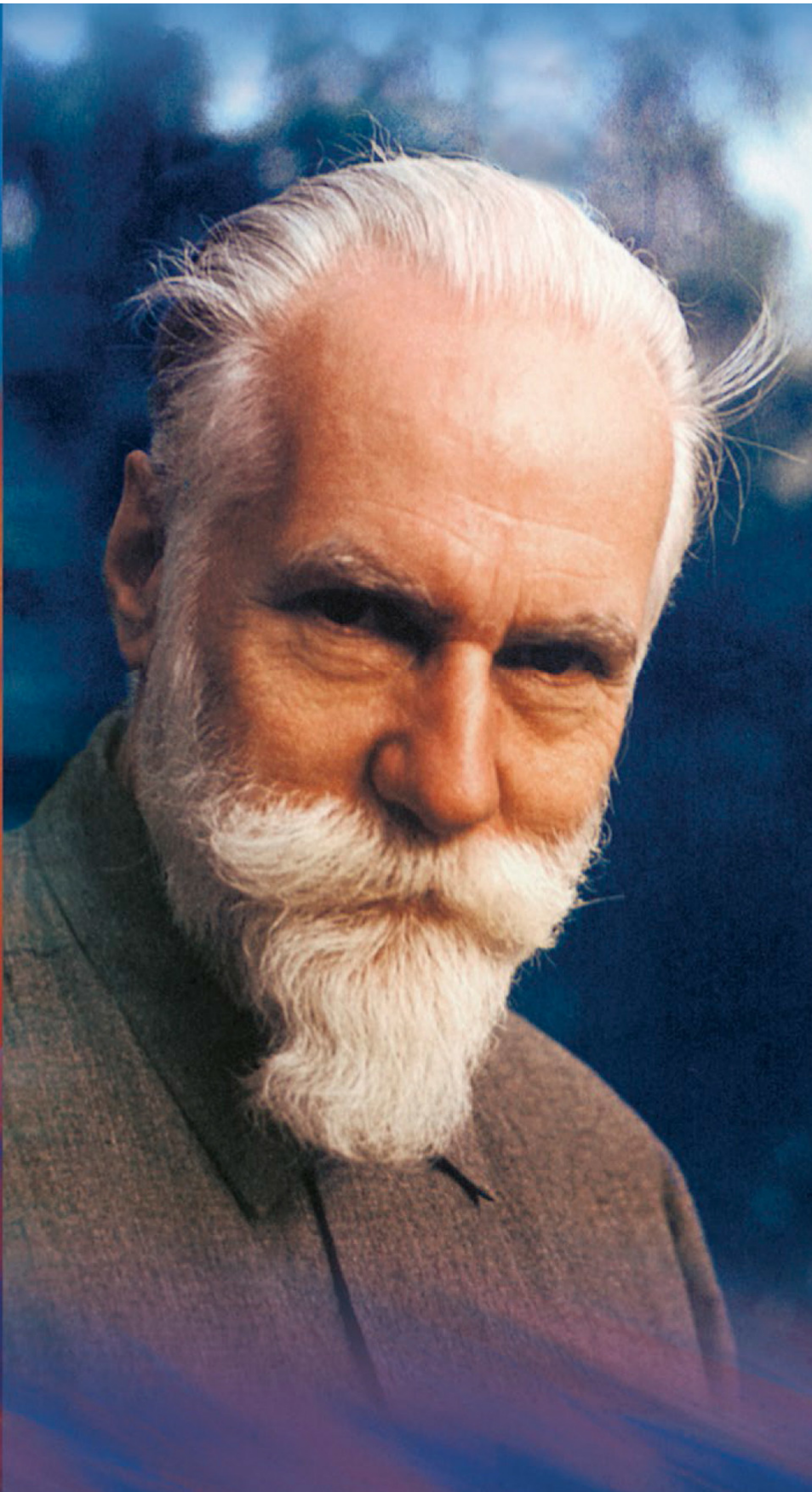

Воспоминания о С.Н.Рерихе

Коллектив авторов

**Воспоминания о С. Н. Рерихе.
Сборник, посвященный 100-летию
со дня рождения С. Н. Рериха**

«Международный Центр Рерихов»

2004

ББК 87.3

Коллектив авторов

Воспоминания о С. Н. Рерихе. Сборник, посвященный 100-летию со дня рождения С. Н. Рериха / Коллектив авторов — «Международный Центр Рерихов», 2004

ISBN 5-86988-136-6

Сборник воспоминаний о выдающемся русском художнике, мыслителе и общественном деятеле Святославе Николаевиче Рерихе, чей столетний юбилей отмечается в октябре 2004 г. Большая часть очерков публикуется впервые. Издание иллюстрировано фотографиями из архивов авторов.

ББК 87.3

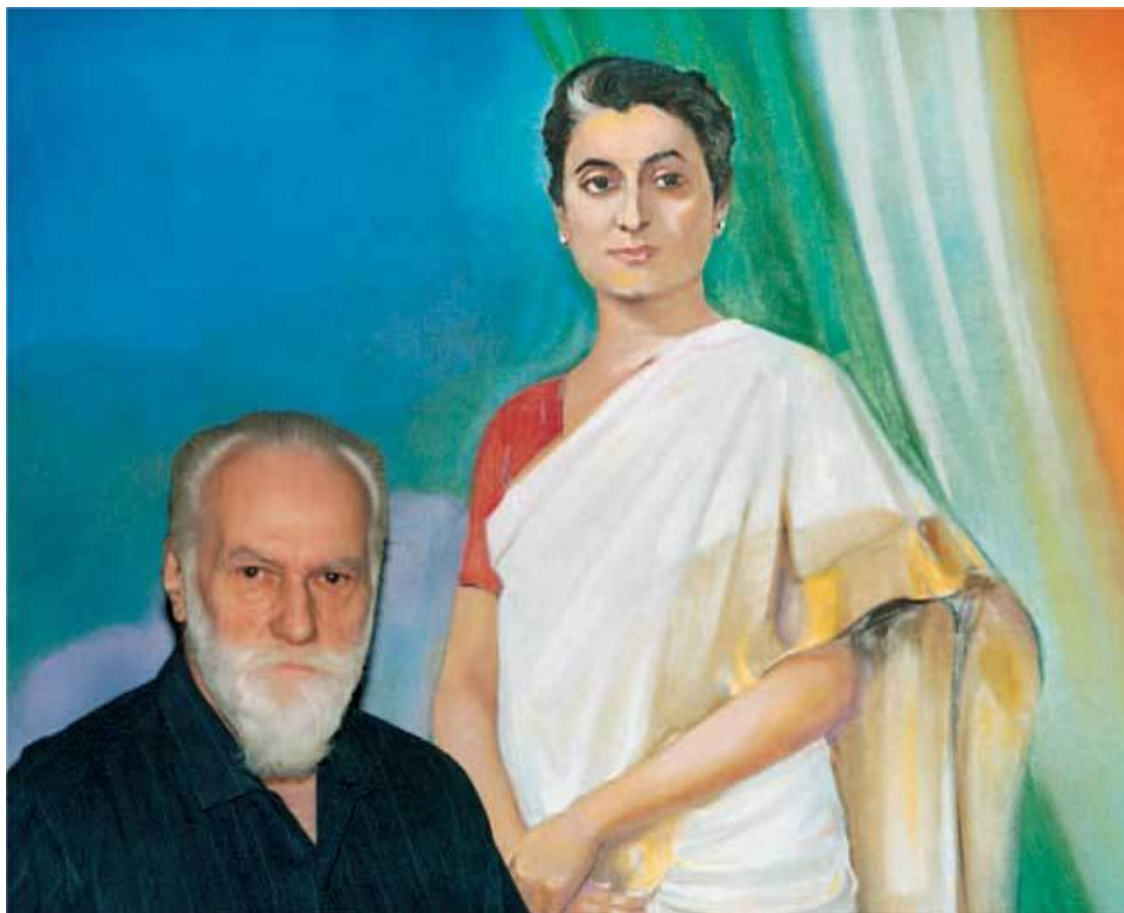
ISBN 5-86988-136-6

© Коллектив авторов, 2004

© Международный Центр
Рерихов, 2004

Содержание

К 100-летию С. Н. Рериха	6
Беседа с С. Н. Рерихом	7
Вестник Красоты	10
Он верил во все Прекрасное	27
Идеал духовного человека	30
Искусство жизни	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**Воспоминания о С. Н. Рерихе.
Сборник, посвященный 100-летию
со дня рождения С. Н. Рериха
(составитель Т. Книжник)**

© Международный Центр Рерихов, 2004

* * *

К 100-летию С. Н. Рериха

Я с удовольствием принял предложение написать несколько слов для юбилейного сборника, посвященного 100-летию Святослава Николаевича Рериха, поделиться своими воспоминаниями об этом удивительном человеке.

Замечательный художник, ученый и общественный деятель – С. Н. Рерих, безусловно, личность мирового масштаба. Получив блестящее образование на Западе, долгие годы живя в Индии, Святослав Николаевич не забывал свои корни и очень чутко воспринимал проблемы своей Родины, где, как он говорил, «сошлись Восток и Запад».

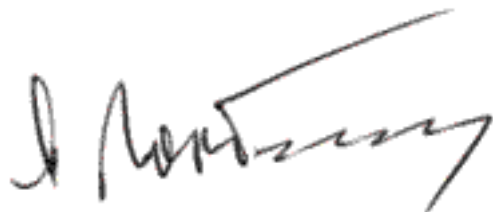
Сын знаменитого русского художника, мыслителя и поэта Николая Константиновича и гениальной женщины Елены Ивановны Рерих, Святослав Николаевич достойно продолжил семейную традицию духовного подвижничества, посвятив всю свою жизнь многогранной общественной, научной и миротворческой деятельности. Унаследовав от отца талант художника, Святослав Николаевич подарил миру изумительные живописные полотна, несущие мощный заряд гармонии и добра. Ну а вклад, который он внес в развитие культурных связей между Индией и Россией, во взаимное сближение и понимание наших народов, просто колоссален.

Я с удовольствием вспоминаю наши с Раисой Максимовной встречи со Святославом Николаевичем и его женой Девикой Рани Рерих в Дели и в Москве. Таких встреч было немного, но каждая из них весьма содержательна и памятна. Это – незабываемые беседы обо всем на свете и, прежде всего, о таких вечных общечеловеческих ценностях, как духовность, мораль, красота, гармония. Раиса Максимовна, относившаяся с глубочайшим уважением к гуманистическим идеям Святослава Николаевича, воспринимала проблему сохранения наследия семьи Рерихов как очень важную для нашей страны. Работая в Советском Фонде Культуры, она с огромным воодушевлением и энергией принимала участие в создании музея Рерихов в Москве.

Замечательно, что сегодня у Святослава Николаевича Рериха есть преданные ученики, последователи и хранители его духовного наследия. С сотрудниками Международного Центра Рерихов нас связывают давние и очень хорошие отношения. Я знаю, с каким энтузиазмом эти скромные симпатичные люди очень профессионально ведут огромную просветительскую работу, преодолевая массу бюрократических препятствий на своем пути.

Со 100-летием со дня рождения Святослава Николаевича Рериха я хотел бы поздравить весь коллектив Центра Рерихов. Думаю, лучшим мемориалом нашему выдающемуся соотечественнику будет добрая память о нем, его делах и бережное отношение к его творческому наследию. Я от души желаю всему коллективу Центра Рерихов дальнейших успехов в их благородном деле, хороших друзей и всего самого доброго.

С уважением, М. С. Горбачев

31.01.2004 г. Москва

Беседа с С. Н. Рерихом

Со Святославом Николаевичем Рерихом я познакомился в Индии, в Дели, приехав туда как Посол Советского Союза. Раньше я, конечно, знал о нем, видел в Москве на всяких церемониях, но личных встреч не было. А тут он сам выразил желание встретиться с новым советским послом. Конечно, я тотчас ответил самым горячим согласием, и он приехал в мою резиденцию.

Первое, что бросилось в глаза, – это его внешность. Он был очень красивый человек. Держался вначале строго, сдержанно, был немногословен. Потому что тогда мы были, в сущности, еще незнакомые люди. Постепенно разговорились, почувствовали друг друга, – и официальность исчезла.

Он оказался очень приятным, вежливым, доброжелательным, готовым к дружеской беседе. Покорял его образ старого интеллигентного петербуржца, какие в России вряд ли остались, его спокойный, уравновешенный голос, тембр голоса, речь – изысканная, красивая, немного старомодная (по вполне понятным причинам), достоинство в сочетании с открытостью собеседнику – все это вызывало с первого же раза уважение и восхищение.

Потом мы встречались много раз и спустя какое-то время, можно сказать, подружились. Между нами была разница в возрасте довольно большая, но она как-то не имела значения. Сблизило нас и то, что мы оба были родом из одного города, хотя и с разными названиями: он из Петербурга, я из Ленинграда; он из старых петербуржцев, я из новых...

Но это было потом. А через несколько дней после первой встречи я пригласил Святослава Николаевича с супругой в резиденцию на ужин. Моя супруга тоже принимала участие. Святослав Николаевич ей очень пришелся по душе, произвел прямо-таки неизгладимое впечатление. Она была очень довольна знакомством с ним, долго беседовала, расспрашивала...

А он познакомил нас со своей супругой Девикой Рани – уже немолодой, полноватой, невысокого роста, словоохотливой, веселой, располагающей к себе женщиной. Девика Рани, как я впоследствии убедился, всегда была готова пошутить, посмеяться, покаламбурить. А он «на ее фоне», как правило, молчал и никогда в шаловливых разговорах не участвовал, лишь сдержанно улыбался. Смеялся редко.

(Кстати, когда я был у них дома в Бангалоре, меня просто ошеломила фотография Девики Рани, снятая в молодости: потрясающая, ни с чем не сравнимая женская красота в восточном, индийском духе, красота и изящество.)

Когда завязалась дружба, встречались мы в основном тогда, когда Святослав Николаевич и Девика Рани приезжали в Дели из Бангалора. Останавливались в гостинице и приходили на завтрак, обед или ужин. Чаще всего мы сидели вчетвером. Или вдвоем: жены наши со своими женскими интересами уходили, и мы со Святославом Николаевичем оставались наедине. И тут наступала пора задушевных бесед.

Я любил расспрашивать про его отца, про знаменитую экспедицию, про Матушку, перед которой он благоговел. Святослав Николаевич показал мне как-то ее фотографии: тоже замечательно красивая женщина, но совсем иной – старопетербургской благородной красотой. Это впечатление усиливалось еще тем, что на всех фотографиях она одета в наряды старинного покроя, какие носили еще до революции. Старый аристократический Петербург, да и только!

Его рассказы о жизни семьи Рерихов были для нас особенно интересны. Но еще мне хотелось узнать как можно больше подробностей о северной части Индии, о Гималаях. Дело в том, что мне как послу следовало хорошо знать всю страну, всю Индию, и не по книгам, а воочию или «из первых уст». Мы много поездили, были в разных городах и весях, но в тех горных районах, где Рерихи путешествовали, бывать не приходилось. Когда Святослав Николаевич начинал рассказывать и увлекался, мы с женой слушали, как говорится, разинув рот...

Говорил ли он об искусстве, о своем творчестве? Почти никогда, по крайней мере со мной. Замыслами тоже, не помню, чтобы делился. А вот порассуждать о том, что в мире творится, он любил, огорчался разного рода «безобразиями». Политика – это моя стезя, поэтому я с удовольствием информировал его о событиях в мире, о том, как я представляю себе их дальнейшее развитие. И вот что любопытно: он внимательно выслушивал, но всегда имел свое мнение, которое часто не совпадало с моим. У него на все была особая точка зрения, я понимаю, какая: я говорил как политик и практик, погруженный в конкретность, видящий сиюминутность и ближайшую перспективу, а он рассуждал как философ и гуманист.

А вообще меня удивляло, что он, человек вовсе не политического склада, натура художественная, так хорошо и четко, хотя и на своей лад, во всем разбирается, в курсе всех событий.

Святослава Николаевича очень заботило то, чтобы отношения между Индией и нашей страной не заколебались, но в тот период они, к счастью, были как раз очень хорошие, прочные. При нашем активном содействии (если не сказать больше) осуществлялись грандиозные экономические проекты, строились заводы, в частности металлургический комбинат в Бхилаи, нефтяные объекты. Все это было очень важно, ко всему этому Святослав Николаевич относился с живейшим интересом и восхищался и гордился нашими соотечественниками. В частности, ведь именно наши специалисты нашли здесь нефть! Англичане, уходя из Индии, сказали: «Нефть? В Индии?! – да что вы! Никогда! Ее нет и никогда не будет». А наши – нашли! В районе Бомбея. И индийцы начали ее разрабатывать. И были жутко нам благодарны, просто жутко! В общем, Индия оказалась практически со своей нефтью. И было ясно, что если она хорошо будет заниматься этим делом и не отдавать нефть другим, то она себя сможет обеспечить. С волнением, растроганно говорил Святослав Николаевич о наших ребятах, которые не ради славы и даже, по большому счету, не ради денег, а просто работали – в раскаленных индийских пустынях, чтобы добыть этой стране энергетические ресурсы.

Словом, отношения между нашими странами развивались хорошо, успешно, и Святослав Николаевич говорил, что так и должно быть. Семья Рерихов, как известно, всегда ощущала себя как бы связующим мостом. Они родились в России, а жили в Индии, фактически были индийскими гражданами. Но жизнь начинали в России. Конечно, это был мост. Мы говорили и об этом, но уже не с экономической точки зрения, а с политическо-дружеской...

В то время между нами было большое военное сотрудничество, которое выражалось в поставках оружия для Индии. Мы поставляли много оружия. Но я как посол был озабочен тем, чтобы убедить индийцев не закупать оружие, а с нашей помощью наладить его производство у себя. Стратегически это было правильно. Истребители («МиГ») они уже делали на построенных нами заводах. А вот с танками, бронетранспортерами вышла заминка. Они говорили: «Да нет, мы лучше от вас будем получать». И мне никак не удавалось их переубедить. Поделился этим со Святославом Николаевичем. Он говорит: «Вот упрямы – получать! А если война? Как тогда получать? Через Гималаи мы же не перетащим ничего. А какая-нибудь блокада морская? Что тогда делать? Нет, надо, чтобы поняли, убедились. Надо самим все производить, самообеспеченность иметь в деле обороны». Я охотно с ним соглашался. Правда, влияния на индийскую политику у него особого не было, хотя он и был вхож в правительство. Думаю даже, что на эти темы он с властями вряд ли разговаривал. И сводилось все к тому, что я изливал перед ним свою душу, а он меня всячески поддерживал: «Ну конечно, конечно! Вы правы». Так вот мы и общались, обсуждая всякие важные проблемы.

Очень гордился он портретом Джавахарлала Неру, который написал для Индийского парламента. Полагаю, что он до сих пор висит там в зале заседаний. Святослав Николаевич был в большой дружбе с Неру, а Неру всегда высоко ценил и глубочайше уважал всю семью Рерихов. Этот портрет прекрасно выполнен, с большой любовью к «оригиналу». Чувствуешь, что это портрет не только выдающегося государственного деятеля, но и друга... Был Святослав Николаевич желанным гостем и в доме Индиры Ганди. И не только благодаря своим исключитель-

ным достоинствам и знаменитости, но и потому, что был другом ее отца, – а это в Индии много значит. Можно сказать, они были тоже друзья.

Вот, пожалуй, вкратце и все, что могу сейчас вспомнить.

Юлий Воронцов. Май 2004 г. Москва

Вестник Красоты

Понесем весть о красоте в каждое сердце, в каждый дом. Пусть стремление к прекрасному будет нашей повседневной молитвой... Поиски красоты – это то, что сблизит людей и спасет мир. Нужно в трудные моменты жизни мыслить о красоте.

С. Н. Рерих

Казалось, что этой жаркой и унылой пенджабской равнине не будет конца. Раскаленный ветер гнал желтую пыль по ослепительно сверкающей ленте асфальта, обжигая глаза, и горячими ладонями сердито стучал по тонкой обшивке «Москвича». Пыльное марево стояло над равниной, которую, казалось, уже давно покинули люди. И редко-редко на обочине дороги возникали домишки с плоскими крышами, повернутые слепыми, без окон, стенами к горячей ленте дороги. И миля за милей, час за часом – плоская желтая равнина, яростное солнце и буйство раскаленной пыли. Время от времени где-то на горизонте сквозь желтую пелену возникали очертания гор, но мне они казались миражом, плывшим над этой безлесной раскаленной равниной. Мираж то появлялся, то исчезал, и там, где только что были горы, повисали бесплодные тучи, не пролившиеся ни единой каплей дождя. Тучи тоже походили на мираж. Однообразие было таким одуряющим, что я не сразу заметила, как появились холмы, поросшие колючим кустарником, и дорога стала карабкаться вверх. Потом холмы сменились невысокими горами, а кустарник – густыми лесными зарослями. Но жара почему-то не спадала, хотя мутный диск солнца уже касался вершин гор. Солнце опускалось все ниже и ниже. Внезапно наступила темнота. И в этой темноте на горах зевом раскаленной печи светился горящий лес. Пахло дымом и пылью. Дорога была пустынная, и ее серые кольца то свивались, то вновь распрямлялись. Снизу доносился шум невидимой реки. Слева потянулись отвесные стены скал, справа обрыв падал в темноту, где шумела река. Временами я впадала в забытие, тогда дорога и скалы сливались в зыбкий рисунок, дрожавший в свете фар и в тумане пыльной завесы. Наконец туман исчез, и я стала замечать огоньки справа и слева от дороги.

– Долина Кулу, – сказал шофер. – Теперь нам надо найти Наггар и этот дом.

– Что, разве уже Гималаи? – спросила я.

– Теперь здесь везде Гималаи.

Я напрягла уставшие глаза, но в темноте, кроме редких огоньков и кусочка дороги, освещенной фарами, ничего не увидела. Река шумела где-то совсем рядом. Воздух стал чуть прохладней, но машина была так разогрета, что это едва ощущалось. И вновь дорога поползла вверх, а машина, с трудом цепляясь за нее, с ревом карабкалась в темноту. Мы проехали горный поселок с темными узкими улицами и домами-призраками. А через несколько минут фары уперлись в ворота. За воротами мелькнули какие-то тени. Деревянные створки бесшумно распахнулись, и я увидела освещенные окна большого дома, затянутого доверху плющом. И откуда-то сбоку знакомый голос сказал:

– Рад вас приветствовать в долине Кулу.

Я вышла из машины, разминая затекшие ноги, и увидела прямо перед собой высокую фигуру Святослава Николаевича Рериха и его приветливо улыбающиеся глаза. Появившаяся из темноты Девика Рани сразу затормозила меня и сказала, что надо немедленно идти ужинать. И только теперь я поняла, что воздух свеж и прохладен, что звезды такие низкие и яркие и все вокруг виллы Рерихов напоено запахом хвои и роз. И этот запах как-то тревожил и в то же время успокаивал. Меня ввели в освещенную гостиную. Я опустилась в мягкое кресло, и оно, ритмично раскачиваясь, поплыло вместе со мной туда, где вилась раскаленная лента дороги по желтой и жаркой равнине.

Потом кто-то коснулся моего плеча, и снова знакомый голос произнес:

– Пойдемте, вам надо хорошо выспаться и отдохнуть.

И Святослав Николаевич повел меня в другую комнату, где стояли две кровати, кресло с высокой спинкой, шкаф, и на камине я увидела большой букет роз.

– Это для вас, – сказал он. – Матушка привезла эти розы из Парижа. Они прижились у нас. Вы завтра увидите целый цветник этих роз. А эта комната была спальней моих родителей. Вы будете спать на кровати моей матушки. Спокойной вам ночи. Увидимся завтра.

То, что мне придется спать на кровати Елены Ивановны, было для меня столь неожиданным, что я некоторое время не могла двинуться с места. И долгое время никому не рассказывала об этом, боясь, что мне не поверят.

Был июнь 1972 года, и я, закончив трехгодичную работу в отделении Общества советско-индийской дружбы, уже отправлялась домой. За несколько дней до отлета в Дели мне позвонил Святослав Николаевич и пригласил в Кулу на две недели. Я согласилась сразу, ибо, живя долгое время в южной Индии, ни разу не была в Гималаях. Вилла Рерихов располагалась на склоне над Нагаром, и оттуда открывался удивительно красивый вид долины Кулу, который я увидела ранним утром.

Зажатая с двух сторон западными и восточными отрогами Гималаев, она лежала передо мной, прорезанная лентой бурного Беаса. Ближние склоны гор поросли гималайской сосной и кедром, и среди этих рощ были разбросаны редкие дома. Но ничто здесь не напоминало ту Индию, которую я знала до сих пор. Казалось, я попала в другую страну. За лесистыми склонами поднимались ослепительные снежные вершины, в их изломах дробился голубой цвет неба. Внизу подо мной лежал древний поселок Нагар. Крыши, покрытые серыми плитами сланца, веранды, нависающие над узкими извилистыми улочками, синие дымки, просачивающиеся из открытых дверей прокопченных старинных харчевен, неуклюжая квадратная башня замка.

А между замком и виллой стоял под трехъярусной крышей древний храм, посвященный богине Трипурасундарам, с которого я и начала под водительством Святослава Николаевича осваивать долину Кулу. В то утро забили барабаны и загудели длинные трубы, и народ в ярких одеждах стал стекаться к храму. Мы со Святославом Николаевичем отправились туда же, и я сразу заметила, как почтительно здоровались с ним, называли «бара сааб» – «большой господин» и расспрашивали его о здоровье и делах. Святослав Николаевич держался со всеми просто, охотно отвечал на вопросы, и через некоторое время мы оказались окружены целой толпой людей в костюмах, скорее похожих на европейские, чем на индийские. И я до сих пор уверена, что именно Святослав Николаевич помог мне установить с жителями Кулу доверительные отношения, которые потом помогли увидеть в долине немало интересного. В тот день торжественно отмечался праздник дасиры. И тогда я впервые встретила богов Кулуты, которых на носилках несли в гости к богине Трипурасундарам. Потом начались танцы, и я увидела, как Святослав Николаевич увлечен этим зрелищем, яркими цветами одежд, серебряными и бронзовыми масками богов, красотой участников праздника. Видимо, и он и я как-то неосознанно наблюдали друг за другом. Когда я привезла много лет спустя наследие Рерихов в Москву, то там был обнаружен его снимок: я с фотоаппаратом охочусь за интересными сюжетами во время праздника. Потом было еще несколько снимков, которые он сделал незаметно от меня – то за книгой, то за писанием. Мы часто гуляли по окрестным горам. И я заметила одну его особенность. Человек, идущий с ним, не уставал на крутых подъемах. Мы много беседовали во время прогулок, а иногда Святослав Николаевич приглашал меня на скамью, стоящую под деодаром, во дворе виллы.

– Ну, так о чем мы сегодня поговорим? – спрашивал он и загадочно улыбался.

Конечно, я не заставляла себя ждать. Меня интересовало многое, особенно то, что связано с сокровенными моментами жизни Рерихов. Святослав Николаевич рассказывал просто

и подробно. За две недели непрерывного общения я накопила большой запас знаний о том, о чем раньше и не подозревала. Но однажды он сказал:

– Это только для вас. Я полагаю, что со всем этим вы обойдетесь бережно.

И он поведал мне об архиве Елены Ивановны, а потом спросил, кому бы можно было передать его в Советском Союзе.

– Мои родители, да и мы с Юрием Николаевичем – все работали для России и то, что сделали, хотели передать ей. А архивы матушки – самое ценное во всем наследии. Это, прежде всего, беседы с Учителем, которые послужили основой Живой Этики. Там много такого, чего еще нельзя открывать. Но я остался один из всех, и на мне лежит ответственность передачи наследия и особенно архивов. Лицо его стало строгим и печальным. Я не была готова сразу ответить на этот вопрос.

– Но что же вы скажете по этому поводу? – настаивал он.

Я была в легком затруднении, ибо понимала, что передача такого архива в Советский Союз ничего хорошего не сулит. Если отдать его в частные руки, то неясно, чем это кончится. Если в какую-либо организацию, то доступа к архиву у нормальных исследователей не будет. И более того, не исключена была и его полная засекреченность. Я объяснила все Святославу Николаевичу. Он слушал внимательно, опустив голову. Потом посмотрел на меня пронизательно, как бы испытующе.

– Значит, – начал он, – вы не считаете возможным передавать архив в Советский Союз?

– Да, не считаю, – ответила я.

– В ваших рассуждениях есть большая доля правды. Оставим пока эту проблему и подождем. – И снова как-то изучающе посмотрел на меня. Весь день он ходил какой-то сосредоточенный, как будто размышляя о чем-то очень важном. В тот день мы с ним даже не беседовали. На следующий день погода в долине испортилась. Облака желтой пенджабской пыли повисли над ней, притушив яркое солнце и закрыв окрестные снежные горы. И там, вверху, образовалась какая-то странная пустота, как будто ни гор, ни солнца никогда и не было. Я смотрела на эту пустоту, и идти мне никуда не хотелось. Около виллы, как всегда, толпился народ. Сюда поднимались туристы, шумные компании студентов. Они останавливались у ворот виллы и робко спрашивали, здесь ли находится галерея картин Рериха. Как обычно, их встречал неизменно приветливый Святослав Николаевич. Он вел посетителей в комнаты первого этажа, где по стенам были развешаны гималайские этюды Николая Константиновича. Люди подолгу стояли у картин, удивлялись, что они написаны русским, а потом спускались вниз по склону к серому камню, на котором были высечены слова: «Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Викрам эры, отвечающего 15 декабря 1947 года. ОМ РАМ».

Когда, наконец, последняя группа покинула двор виллы, Святослав Николаевич подошел ко мне и задумчиво посмотрел куда-то вдаль.

– Давайте сходим в «Урусвати», – неожиданно предложил он.

«Урусвати» – так назывался Институт Гималайских исследований, созданный Рерихами после Центрально-Азиатской экспедиции.

– Разве что-нибудь сохранилось? – спросила я.

– Идемте, – и Святослав Николаевич направился к воротам виллы.

Мы поднялись по тропинке, вьющейся по некрутому склону, и метров через пятьсот оказались на небольшой площадке, поросшей ярко-зеленой травой. Здесь стояли два здания Института Гималайских исследований. На одном из них еще сохранилась вывеска: «Урусвати».

– Весь этот склон и роща, – сказал Святослав Николаевич, – принадлежат Институту. Двадцать акров земли, которую мой отец Николай Константинович отдал для этой цели. Вот в этом доме, – Святослав Николаевич показал на первый из них, – работали и жили зарубежные сотрудники Института, а в следующем были лаборатории.

Чуть в стороне, ниже по склону, виднелась груда камней, бывшая, очевидно, когда-то фундаментом какого-то строения. Оказалось, что там стоял дом, в котором жили тибетские ламы, помогавшие Юрию Николаевичу Рериху в его исследованиях.

Мы начали осмотр домов. Шаги гулко отдавались в пустых помещениях. Комнаты тянулись одна за другой. В одном из помещений мы остановились перед дверью. На ней висел массивный замок. Заржавевший механизм долго не поддавался. Наконец он со скрипом открылся. Мы толкнули дверь и оказались в большом зале. Свет с трудом пробивался сквозь плотно прикрытые ставни. Когда глаза привыкли к полумраку, я увидела повсюду ящики. Они громоздились друг на друге. Ящиков было много, их покрывал толстый слой пыли. По стенам стояли застекленные шкафы.

– Наши коллекции, – коротко бросил Святослав Николаевич.

Выяснилось, что здесь хранились коллекции, частично оставшиеся от Центрально-Азиатской экспедиции и собранные экспедициями самого Института. Богатейший научный материал, к которому несколько десятков лет не прикасалась рука ученого. В застекленных шкафах и ящиках находились ценнейшие этнографическая и археологическая коллекции. Орнитологическое собрание насчитывало около 400 видов редчайших птиц, некоторые из них сейчас уже исчезли. Ботаническая – полностью представляла флору долины Кулу. Геологическая – содержала немало редких минералов. Тут же были и зоологическая, фармакологическая, палеонтологическая коллекции.

Мы прошли в следующее помещение, по стенам которого тянулись полки с книгами – четыре тысячи томов. В одном из зданий обнаружилось оборудование биохимической лаборатории. Книги давно уже никто не снимал с полок, лабораторным оборудованием не пользовались...

Но тем не менее казалось, что люди только недавно покинули эти стены, какими-то не зависящими от них обстоятельствами неожиданно и внезапно оторванные от интересной работы. Они успели только упаковать коллекции и закрыть на замки двери библиотеки и лаборатории...

– Вот что такое «Урусвати» теперь. – Святослав Николаевич печально наклонил голову. – Но ведь советские ученые могут здесь работать? – и глаза его улыбнулись. – Об этом не раз говорили и мой отец, и брат. Почему бы советским и индийским ученым здесь не поработать вместе? Все это, – он обвел взглядом вокруг, – может оказаться в их распоряжении. Русские начали, русские должны и продолжить...

И эта тема – «русские начали, русские должны и продолжить» – целый день звучала в наших беседах.

– Вы должны знать, – говорил Святослав Николаевич, – что этот Институт – не просто очередное научное учреждение. В нем заложено будущее нашей науки. Тогда, во время войны и после, судьба Института сложилась непросто, и прервались те исследования и та научная методология, которая была заложена в нем. И заложена была не нами, Рерихами, а нашим Учителем, который создал Живую Этику и планы которого мы выполняли. Вы знаете, все очень интересно было задумано и еще более интересно исполнялось. Во всех этих действиях, в которых мы участвовали, было не только будущее новой науки, но и будущее эволюции человечества, его преобразования, его новых форм существования. Учитель не только передал нам знания, но и руководил тремя действиями, в которых мы все участвовали.

– И что это за действия? – спросила я.

– Вы нетерпеливы, – улыбаясь, сказал Святослав Николаевич, – я все вам расскажу. Этими тремя событиями оказались Центрально-Азиатская экспедиция, по маршруту которой были заложены магниты будущих культурных центров планеты. Огненный опыт Елены Ивановны Рерих, изменивший нашу энергетику, и Институт Гималайских исследований – предтеча новой науки, Новой эпохи.

Все чаще и чаще в наших разговорах звучало: Новая эпоха, новое мышление. А через несколько дней Святослав Николаевич попросил передать его предложение Академии наук СССР. Он хотел, чтобы группа советских ученых прибыла в Кулу и решила проблему совместного с Индией сотрудничества в Институте Гималайских исследований. Я согласилась и передала все это тем, от кого зависело выполнение просьбы Святослава Николаевича. Но сам процесс шел медленно и вяло, обстоятельства менялись, трудности задуманного росли. План так и не был выполнен. Но это не значит, что у него нет будущего.

Я уезжала из долины Кулу ранним утром. Розовели снежные вершины Гималаев. По шоссе тек нескончаемый поток овечьих стад и мешал нашему автобусу. Пастухи-гадди старались удержать овец в русле шоссе. Женщины с коническими корзинами за спинами шли по обочине дороги. Над сланцевыми крышами домов стояли синие дымки. И снова передо мной разворачивалась многокрасочная кинолента долины, такой древней и в то же время в чем-то современной.

Когда вспоминаю Святослава Николаевича, то каждый раз невольно возвращаюсь к моменту нашего знакомства. Оно тоже было необычное, как все, что связано с ним. С того времени и до последнего его часа, часто встречаясь со Святославом Николаевичем, я имела возможность понять, хотя бы в общем, его творческие и духовные особенности, его свойства мыслителя и выдающегося художника...

Помню напоенную пряными ароматами ночь Индии, яркие звезды, запутавшиеся в странно изогнутых ветвях, казалось бы, нездешних деревьев, высокую, прямую фигуру с царственно поднятой седой головой и старого искусствоведа, стоявшего на ступеньках и объяснявшего что-то седоголовому. Тот слушал как-то рассеянно и невнимательно и искал глазами кого-то там, в ночной темноте. Потом его взгляд вдруг остановился на мне.

– Входите, я вас ждал, – неожиданно сказал он, сходя со ступенек крыльца.

И я вошла. Вошла в удивительный волшебный мир, где продолжал царить дух тех двух Великих, давших жизнь тому, кто меня позвал. Вошла, чтобы никогда из этого мира не уйти. Так состоялась в 1968 году моя первая встреча со Святославом Николаевичем Рерихом, младшим сыном Елены Ивановны и Николая Константиновича Рерихов, художником и мудрецом. Потом были и другие встречи, и каждая из них наполняла мою жизнь каким-то новым и неожиданным смыслом. Мы беседовали с ним часами в его мастерской, где на мольберте стояла очередная, еще незаконченная картина, стены были увешаны тибетскими тханками и индийскими средневековыми миниатюрами, а на книжных полках стояли старинные бронзовые фигурки редкой красоты.

Из всего услышанного мной его фраза «Будем стремиться к Прекрасному», пожалуй, повторялась им чаще, чем другие. Особенно часто она звучала в его устах в конце 1989 года, когда он приехал в нашу страну в связи с организацией Советского фонда Рерихов. Он подписывал ею свои фотографии, произносил ее почти во всех интервью, которые давал газетам и журналам, говорил ее с экрана телевизора. Для него она была наполнена глубочайшим смыслом.

Все четверо Рерихов – единомышленники, их вели по жизни одни и те же идеи, одни и те же задачи, одни и те же Учителя. Живая Этика, или Агни Йога, пронизывала творчество всех членов этой уникальной семьи. Она же и сформировала их мировоззрение. Николай Константинович Рерих назвал это мировоззрение энергетическим. Энергетика одухотворенного Космоса, согласно концепции Живой Этики, связывает все его части, начиная от атома и человека и кончая космическими телами пока еще нам неведомых размеров и качеств. Эта энергетика – главное условие и главный двигатель Космической эволюции человечества. Все то, носителем чего является человек, – его чувства, мысли, дух, тело, традиции, стремления, восприятия, его творчество, энергетично по своей сути и взаимодействует с общей космической энергетикой.

Сказать просто, что Святослав Николаевич был последователем энергетического мировоззрения, значит сказать очень мало. Он был не только последователем, но и толкователем этого мировоззрения. Как зрелый философ, он по-своему сумел осмыслить и развить его важнейшие положения и идеи. «Наше внутреннее стремление к чему-то более совершенному, – говорил он об источниках своего вдохновения, – более прекрасному является той великой внутренней силой, которая изменяет нас и изменяет также нашу жизнь. Без этого внутреннего пламени человек не может разбудить в себе скрытые энергии и не может подняться на более высокий уровень знания и опыта. Это внутреннее стремление к своей кульминации пробуждает к жизни определенные нервы, которые являются проводниками скрытой энергии»¹. Удивительно точные слова – «внутреннее стремление к своей кульминации» – дают нам представление об уровне мышления и литературных способностях Святослава Николаевича. Его привлекали те энергетические процессы, к которым он был наиболее близок, опыт в познании которых накопил в течение своей жизни. Красота, ее суть и роль, ее энергетика занимали, пожалуй, первое место в этом опыте. «Невыразимая аура славы излучается великим произведением, – объяснял он. – Это эманация скрытых вибраций, которые закреплены в структуре высокого творения искусства. Волшебство чувств, мыслей и сильных желаний Великих Мастеров пленено в произведении, излучается на зрителя и пробуждает в нас сходные ответные чувства помимо чисто эстетического и духовного понимания того, о чем говорится. Мы отзываемся на более совершенные сочетания и называем их прекрасными. Мы ценим равновесие и гармонию, так как отзываемся на естественный эволюционный поток, вызывающий более совершенные формы и сочетания цвета, звука, слов и формы. Эти великие произведения являются кладовыми громадных энергий, которые могут активизировать и изменить миллионы зрителей и повлиять на бесчисленные поколения через весть Красоты, излучающуюся из них. Такова необыкновенная власть искусства, скрытая сила, всегда присутствующая и активная в великом произведении»². В этом фрагменте Святослав Николаевич изложил свое понимание Красоты, во всем ее энергетическом богатстве. «Естественный эволюционный поток, выявляющий более совершенные формы и сочетания цвета, звука, слов и формы» есть та сформулированная Святославом Николаевичем Истина, которая ставит Красоту, выраженную в подлинном искусстве, в энергетический ряд Космической эволюции, придавая ей важнейшую роль в этой эволюции и объясняя извечную, нередко бессознательную, тягу человека к Красоте. Ибо Красота есть та высшая энергетика, которая и формирует тот «естественный эволюционный поток», о котором повествуют книги Живой Этики. «Для меня совершенно реально и очевидно, что в искусстве и красоте заключены сверхъестественные силы»³, – поясняет он. Он употребляет слово «сверхъестественный» отнюдь не в расхожем его смысле, а имея в виду ту энергетику высоких вибраций, которая еще недоступна человеку.

Красоту, с которой мы соприкасаемся в нашем плотном физическом мире, можно разделить на две группы. Красота, созданная энергетикой Природы и несущая в себе ее дух, ее силу, и Красота рукотворная, результат творчества самого человека и также несущая в себе его силу или энергию духа. Возникая на разных уровнях, и Красота природная, и Красота рукотворная тем не менее имеют в себе много общего, ибо та и другая подчиняются тем же энергетическим законам, которые мы называем Законами Космоса. Святослава Николаевича как художника и мыслителя привлекала, в первую очередь, тайна Красоты рукотворной. Он исследует ее механизмы, стремится определить ее скрытые пружины и проявить сокровенные корни. Красота не может быть создана без высшего идеала, справедливо считал он. Разрушение этого идеала – духовного или эстетического – приводит к обезображиванию жизни, к гибели ее эволюци-

¹ Рерих С. Н. Стремиться к Прекрасному. М., 1993. С. 62–63.

² Рерих С. Н. Стремиться к Прекрасному. М., 1993. С. 64.

³ Там же. С. 37.

онного стержня. Утерю высшего эстетического идеала мы наблюдаем во всем мире и в нашей стране также, где на смену разрушенному идеалу идут фальшивые ценности западной массовой культуры, которая калечит неустойчивую энергетику тех, кто так или иначе оказался подвержен такой «культуре». С этой точки зрения работы Святослава Николаевича имеют для нас непреходящее значение. Вестник Красоты и ее творец, он не устал разъяснять ее эволюционный смысл, настаивая, так же как и его отец, на непреложности этого смысла: «Поиск прекрасного является наследственной эволюционной силой»⁴.

Эта «наследственная эволюционная сила» зазвучала в человеке с самого начала его существования и развивалась в нем на протяжении тысячелетий его истории. Без этой природной силы не могли бы сформироваться ни культура, ни творчество, ни связь с Высшим. Сама эта сила носила религиозный характер, так же как и самые первые петроглифы, высеченные человеком на скале, или первые его росписи, или вылепленные им фигурки богов. Иными словами, искусство, появившееся на заре человеческого сознания первой звездой связи с Нездешним, уже несло в себе духовно-энергетическую силу поиска Прекрасного. И если развить эту мысль далее, то ощущение Красоты, заложенное в человеке с первых его шагов, создавало человека духовного, способного к дальнейшей эволюции. Труд же дал возможность этому человеку выразить себя и сотворить, подобно Богу, Красоту по Великому космическому закону. И поэтому искусство, реализованное в рукотворном труде, несло человеку и связь с Высшим, и способность ощутить себя этим Высшим. Именно искусство показало ему, что подлинный художник есть Бог, созидаящий Красоту и увлекающий остальных к Высшему этой Красотой. Вазари, например, писал о Леонардо да Винчи: «Все его творения являются результатом Божественного предназначения, а не искусством, созданным человеком»⁵. Вот это «Божественное предназначение» и делало художника Великим Мастером, чья роль в Космической эволюции человечества равноценна роли тех Великих Душ, которые несли человечеству свет новых учений или философские концепции, способствующие познанию окружающего мира.

Из многих бесед со Святославом Николаевичем я поняла, как много и серьезно интересовал его вопрос – что именно способствует появлению таких Мастеров и какова их действительная роль в эволюции. Он вовлек меня в размышления обо всем этом, и мы даже спорили с ним. Но он всегда оказывался прав. Как-то во время моего очередного визита к нему он протянул мне пачку листов. Это была его лекция о гуманизме в искусстве в одном из индийских университетов. И в ней я нашла глубокую формулировку, касающуюся Великих Душ и Великих Мастеров. «Эти поиски высших ценностей повторяются периодически, и кульминацией обычно становится момент, когда дремлющие до сих пор творческие силы внезапно раскрываются и появляются Великие Души, будто притянутые невидимым, неизвестным магнитом, чтобы, используя весь накопленный опыт прошлого, создавать новые формы и сочетания. Эта переоценка высших человеческих ценностей всегда являлась одним из мощных стимулов для продвижения вперед»⁶.

«Переоценка высших человеческих ценностей» и создавала очередную ступень эволюционной лестницы космического восхождения человечества, которую творили Великие Души и Великие Мастера. Эта мысль Святослава Николаевича вскрывала самую суть творческого процесса, завершением которого были эти Великие сущности. Их появление или, скорее, явление было связано с духовной работой целых поколений человечества, которые участвовали в энергоинформационном обмене с Высшим. Великий Мастер есть проявление Высшего творчества на Земле, в котором участвуют миры различных состояний материи и различных ее измерений. Фактически это процесс преображения самого человека и достижения им высокой степени

⁴ Рерих С. Н. Стремиться к Прекрасному. С. 24.

⁵ Там же. С. 32.

⁶ Рерих С. Н. Стремиться к Прекрасному. С. 30.

богочеловека, указание на которого мы находим в Живой Этике. Я была не однажды свидетелем того удивительного творческого развития идей Живой Этики, методом которого блестяще владел Святослав Николаевич. Его мысль пробуждала всегда что-то во мне и содействовала, как я сама определяла, просветлению ума и сердца. В одной из бесед Святослав Николаевич обратил мое внимание на то, что именно трехмерный плотный мир играет в процессе преобразования человека важнейшую роль. Диалектика Космической эволюции заключается именно в том, что без грешной Земли нет богочеловека. Первые шаги Великого неотделимы от этого мира. Он, Великая Душа, или Великий Мастер, как бы опирается на плотную энергетическую основу земного человечества, чтобы взлететь туда, где ждут его миры иных измерений, иных состояний материи. Но, преобразив себя в более высокую сущность, он уже создает своим творчеством то энергетическое поле, которое продвигает человечество дальше и выше, и таким образом облегчает и ускоряет эволюционный путь самого человечества.

Энергия произведения искусства – совершенно особая. Она больше, чем что-либо другое на Земле, связана с энергетикой миров иных измерений. В Великом Мастере, в его творчестве как бы звучат струны этих нездешних миров, ибо ни одно явление на Земле не может быть познано или понято без этой музыки, без ее тонкой энергетики, которая присутствует также в каждом из нас и складывает миры нашего духа. Творчество Великого Мастера зарождается где-то на тончайшей грани, соединяющей миры иные с нашим, той грани, которая потом и отразит, светом или мыслью, Красоту этих миров в самом произведении.

В архиве Международного Центра Рерихов, уже после того как Святослав Николаевич передал России наследие своих родителей, я обнаружила одно из его писем Павлу Федоровичу Беликову. «Наш творческий процесс, – писал Святослав Николаевич, – это воплощение нашего внутреннего мира, звучание нашего духа. Но так же, как бывает трудно, подчас невозможно выразить словами то, что мы ощущаем в глубинах нашего сердца, так же трудно, даже труднее бывает воплотить это в двух измерениях полотна. Всякое истинное творчество нераздельно связано с внутренним миром художника и в известной степени является мерилем его истинного Я. Я говорю “в известной степени”, ибо разные физические ограничения неизбежно налагают свою печать»⁷.

Подобный опыт самого Святослава Николаевича был столь богат и разнообразен, что, может быть, он, как никто другой, чувствовал те «физические ограничения» нашего плотного мира, которые с особой силой проявляются в художественном творчестве. Именно в этом пространстве возникает противоречие, которое и составляет суть действия между желаемым и действительным, между мечтой и ее реализацией. Это желаемое и мечта рождаются в нездешнем мире, но воплощаются на Земле. Поэтому творчество в области Красоты и искусства несет нам дыхание и аромат иных миров, озаряя нас их энергетикой. И чем выше Мастер по своим устремлениям и идеалам, тем ощутимей энергетика миров иных измерений. Великий Мастер своим трудом и талантом преодолевает противоречие между плотным и тонким состояниями материи и максимально приближается, находясь в плотном мире, к понятиям тонким – желаемому и мечте. Он как бы преодолевает сопротивление плотной материи, совершая прорыв в неизведанные глубины Космоса, соприкасаясь с более высокими измерениями и впитывая в себя энергетику их миров. Вазари называл эту энергетику Небесным огнем. Возможно, этот Небесный огонь Красоты и вдохновения притягивает нас к творениям Великих Мастеров, влияет на нас, организует нашу энергетику в том единственно верном направлении, которое соответствует самому естественному потоку эволюции. Святослав Николаевич говорил о таинственной силе, которая заключена в совершенных пропорциях подлинного искусства. И «Небесный огонь», и «таинственная сила» свидетельствуют об одном и том же явлении – Красоте и ее энергетике, и той Истине, которая содержится в этом явлении. Сама эта Красота,

⁷ Письмо С. Н. Рериха П. Ф. Беликову от 30 июня 1966 г. / Непрерывное восхождение. М., 2001. Т. I. С. 169.

созданная Великим Мастером, может выражать Истину языком искусства, энергетика которого тоньше и богаче слова. Существуют различные методы воздействия на энергетику человека и передачи ему необходимой информации. Искусство является наиболее концентрированным и всесторонним методом воздействия не только на мозговые центры человека, но и на все остальные.

Святослав Николаевич, как и его отец, говорил, что свет искусства озарит сердца новой любовью. Мне не сразу была понятна эта мысль, а новая любовь не вызывала у меня никаких ассоциаций. Но по мере проникновения в глубь сказанного Святославом Николаевичем я уяснила, что речь шла опять-таки о Красоте, даруемой истинным искусством человеку, которая несет каждому новому эволюционному витку свои открытия. Новая любовь, о которой говорил Святослав Николаевич, есть достояние надвигающейся ступени Космической эволюции. Она встретит человечество у тех особых ворот, ключ от которых, по выражению Рабиндраната Тагора, находится в исключительном владении современного искусства.

«Истина в Красоте, – сказано в одной из книг Живой Этики. – Космос утверждает на этой формуле эволюцию. Космос направляет мир к овладению Красотою»⁸. Исследуя и осмысливая «священное царство Красоты», по его же собственному выражению, Святослав Николаевич находил в нем все новые и новые грани. Будучи оригинальным философом и прекрасно владея энергетическим мировоззрением Живой Этики, он всегда обращал в своих писаниях, выступлениях, доверительных беседах наше внимание на те стороны энергетического процесса Прекрасного, которые мы, возможно, и не замечали. Николай Константинович Рерих строил свою концепцию исторического процесса на единстве прошлого, настоящего и будущего. Он справедливо считал, что будущее опирается на прошлое, забирая у этого прошлого все то, что может лечь в фундамент будущего развития. Святослав Николаевич, осмысливая пути Прекрасного, исследуя его энергетику, говорил о настоящем, в котором время от времени происходит энергетический всплеск прошлого, переосмысление этого прошлого и возрождение его на новой основе. Позиции отца и сына, затрагивающие различные грани взаимодействия прошлого, настоящего и будущего, не противоречили друг другу.

Святослав Николаевич, открыв свою грань в таком взаимодействии, считал, что открытие и переосмысление великого прошлого создают вдохновение и творческий порыв. Эпоха Ренессанса, художников и философов которого он очень любил, собрал большую библиотеку о них, была для него блестящим примером такого прорыва прошлого. Во многих наших с ним беседах он часто возвращался к размышлениям о культуре Ренессанса. Ибо в этой эпохе, сменившей Средневековье, присутствовали и вдохновение, и творческий порыв, так им любимые и почитавшиеся. Мир античности как бы оплодотворил своей энергетикой культуру позднего европейского Средневековья, и она получила новое качество, создавшее блестящую эпоху, наполненную искусством самого высокого духа. Именно Красота оказалась мощным энергетическим возбудителем развития нового этапа культуры, когда творцы и созидатели ее, притянутые магнитом Прекрасного Древней Греции и Рима, синтезировали их с тем, что создано Средневековьем, и, поправ свойственный последнему аскетизм и ограниченность, потянулись к Радости, Солнцу и Свету.

Каждое искусство время от времени, говорил Святослав Николаевич в одной из лекций, «пытается открыть заново или воскресить великий дух, который двигал древними, и это повторное открытие ведет к новым свершениям, завоеваниям и опять же к новому развитию»⁹. Синтез древности и современности, создавший эпоху Ренессанса, напоил своей энергетикой искусство Европы на длительный период и продвинул ее философскую мысль далеко вперед.

⁸ Беспредельность, 178.

⁹ Рерих С. Н. Стремиться к Прекрасному. С. 25.

Этот синтез значительно расширил границы «священного царства красоты», воскресив «великий дух, который двигал древними».

Святослав Николаевич большую часть жизни прожил в Индии. Было ли это для него случайностью? Вряд ли. Именно Индия, ее философия, красота и утонченность были источником его художественного вдохновения и его творчества в целом. Среди остальных Рерихов именно он был больше всего, если можно сказать, «индийцем». Его тесная связь с Индией была закреплена также его женитьбой на выдающейся индийской киноактрисе Девике Рани, внучатой племяннице Рабиндраната Тагора. «В 1928 году, – рассказывал он, – я возвращался в Индию после продолжительного отсутствия. И когда сошел с корабля в Бомбее, почувствовал, как будто вернулся к чему-то особенно знакомому и близкому, как будто вернулся на землю, которую так хорошо знал»¹⁰.

Мое индологическое призвание сыграло немаловажную роль в развитии нашей дружбы. Еще до нашего знакомства ему были известны мои книги об Индии, и они его, как он мне рассказывал, заинтересовали. Моя увлеченность этой страной ему очень импонировала. Сам же он был также увлечен Индией и прекрасно ее знал. Мне, индологу, было очень далеко в этом отношении до него. Он носил в себе какое-то удивительное внутреннее познание этой страны. Он запечатлел на своих полотнах ее красоту и считал ее второй Родиной. Для него Индия была всегда чем-то очень важным. Его высокая духовность складывалась под влиянием ее культуры. Индия, как магнит, всегда манила его и притягивала. Надо сказать, что в этом отношении он не был одинок. Магнетизм Индии испытывали многие. Пожалуй, это самое главное чудо, которым обладает эта древняя страна. В чем же все-таки тайна ее великой притягательности? Прежде всего в непрерывности культурной традиции, которая объясняет и все остальное. Многие тысячелетия протекли над Индией, ее снежными горами, знойными равнинами и раскаленными пустынями. И так сложилось, и, возможно, тоже не случайно, что главная нить культурной преемственности в этой стране не прерывалась. Прошедшие по пространству Индии народы не исчезли, как это было с древними египтянами, шумерами и многими другими, чьи следы, может быть, еще не отысканы. Самые загадочные, самые древние народы остались в Индии со своей культурой, своей кровью, текущей в жилах современных индийцев. Непрерывно развивающаяся культура формировала духовный облик индийца, создавала непревзойденные шедевры искусства, шлифовала драгоценные камни индийской философской мысли и мудрости. Культура и Красота сотворили в Индии в течение многих веков упругое поле сильной и тонкой энергетики, на которое опирались и дальнейшее развитие страны, и ее эволюция. Судьбе и богам было угодно, чтобы на планете существовала хотя бы одна страна, способная продемонстрировать ярко и красиво эволюционную суть Культуры и Красоты. Именно Индия удостоилась этой высокой чести. Сопричастность индийской культуры мирам более высоких измерений, философское осмысление связей с ними и умение разумно ими пользоваться являются отличительной чертой этой культуры. Вступая в энергоинформационный обмен с последней, страны и народы получали от нее бесценные сокровища – иные подходы к решению проблем совершенствования человека, мудрую практику развития духа и, наконец, космический взгляд на эволюцию человечества. Принимая все это во внимание, Святослав Николаевич утверждал, что индийский народ с самых ранних времен погружал свои мысли в великое пространство Вселенной и понимал многое из того, что мы начинаем понимать только теперь. Возможно, что именно погружение мысли в это великое пространство Вселенной и ощущение своего единства с Космосом и сделали Индию со временем духовным магнитом, или духовным сердцем планеты. Во взаимодействии с различными энергиями и состояниями материи шло формирование индийской духовной и интеллектуальной утонченности, складывалось удивительно точное ощущение Красоты, ее форм и красок.

¹⁰ Рерих С. Н. Стремиться к Прекрасному. С. 62.

Историческая судьба Индии также была необычной. Несмотря на свою высокую духовную культуру, она, тем не менее, не являлась тихим и благостным ашрамом, изолированным от всего мира. Она находилась на перепутье многих торговых путей, и набеги, вторжения и войны не миновали ее. Начиная с древности и кончая новым временем, как будто притянутые все тем же магнитом, в Индию вливались чужие племена и народы. Однако никому из них, включая и среднеазиатских мусульман, и в какой-то мере европейских колонизаторов, не удалось стать завоевателями в полном смысле этого слова. Никому из них не удалось ассимилировать, несмотря на неоднократные попытки, ее народ. Все происходило как раз наоборот: Индия ассимилировала пришельцев, брала лучшее из их культуры, отметала ненужное. Каждый раз энергетическое поле культуры вторгшихся в эту страну оказывалось намного слабее индийского. Собственно, это и решало судьбу народов, пришедших в соприкосновение с Индией. Никакие ухищрения так называемых завоевателей – военные, административные и даже материальные – не давали ожидаемых результатов. Все решала, в конечном счете, энергетика. Завоеватели влипали, как мухи, в мед энергетического поля индийской культуры и навсегда оставались там.

В один из дней в январе 1971 года мы вели со Святославом Николаевичем беседу на эту тему. Индия, говорил он, все перерабатывала, поглощала, всему придавала свой облик. И это не случайно. Мысль Индии синтетична: она в себя все вмещает, она ничего не исключает, все принимает, все содержит.

И я, работая многие годы в этой стране, убеждалась в правоте мыслей, высказанных Святославом Николаевичем. Кроме него я больше никого не встречала, кто бы так тонко и точно определил внутреннюю суть Индии и так ясно сформулировал то, что ощущал в ней интуитивно и, я бы сказала, духовно.

Духовное поле Индии всегда привлекало к себе великих художников и великих мыслителей. Святослав Николаевич принадлежит к ним. Его творчество неразрывно связано с жизнью и культурой этой страны. На одной из первых своих выставок в нашей стране, – а это было в 1960 году, – Святослав Николаевич произнес речь, которая меня поразила и проникла в самую глубину души. В те дни я с огромным трудом достала приглашение на вернисаж и провела на выставке полдня. Все было там таким новым и привлекательным, и сама Индия, которую я уже видела собственными глазами, предстала передо мной совсем другой, какой-то обновленной. Много лет спустя он передал мне свою речь для публикации ее в нашем сборнике. «Большинство моих картин, – сказал он, – как вы знаете, посвящено Индии, потому что я живу в Индии, потому что я хотел отразить жизнь Индии, которая меня особенно привлекала и которая, может быть, меня поражала»¹¹. Тогда же до знакомства с ним у меня оставалось еще восемь долгих лет...

Именно Индия подарила Святославу Николаевичу радость встреч и регулярных контактов с Высокими Сущностями, стоящими много выше нас на лестнице Космической эволюции. Это были Великие Души, или Учителя Рерихов, в сотрудничестве с которыми и была создана Философия реального Космоса – Живая Этика. Благодаря родителям, говорил Святослав Николаевич, «я познал великие ценности жизни и имел контакты с Личностями, которые давно прошли по великому и царственному пути самоосвобождения»¹². Я узнала о Них через Святослава Николаевича. Именно у него получила первую книгу Живой Этики, она называлась «Беспредельность». Святослав Николаевич до самого последнего своего часа сохранял связь с Великим Учителем. Когда он остался один, эта связь многое облегчила в его нелегкой жизни. Рассказывая мне об Учителе, – а это было нередко, – о его свойствах и особенностях, о первой встрече с Ним, Святослав Николаевич соблюдал удивительную бережность. Иногда назы-

¹¹ Рерих С. Н. Стремиться к Прекрасному. С. 42.

¹² Там же. С. 63.

вал Учителей «более совершенными людьми, найти которых может только тот, кто готов для этого и кого они сами хотят встретить»¹³. Говоря об Учителях, он становился строг лицом, а глаза его обретали удивительную глубину и уходили куда-то в таинственную даль. И, наблюдая за ним в такие моменты, я не могла отделаться от какого-то внутреннего чувства, что передо мной один из них, из Великих Душ, на долю которого досталась нелегкая и одинокая жизнь на нашей планете. Потом, много лет спустя, я нашла в письме Елены Ивановны подтверждение этому моему ощущению. Но в своих взаимоотношениях с людьми и, в частности, со мной он никогда, ни словом, ни намеком, не давал понять, что и он принадлежит к когорте совершенных людей. Временами он был непредсказуем и совершал неожиданные поступки, реальный смысл которых уяснялся позже. Касаясь сокровенной темы Учителей, Святослав Николаевич проявлял высокое чувство такта по отношению к Тем, Кто, по словам его, представлял те силы, которые стараются к нам пробиться, чтобы олицетворить себя здесь, на Земле. Он был крайне осторожен и точен в своих выражениях и всегда служил для меня образцом для подражания. Он хорошо понимал, что малокультурные и невежественные люди стараются сделать из факта существования Учителей и их «великого царственного пути» расхожую сенсацию или средство для собственного возвышения. Нередко такие люди пытаются стать «учителями» и часто называют себя таковыми, не подозревая о том, что истинный Учитель никогда так себя не назовет. Болезнью ложного учительства страдает и российское рериховское движение, что приводит к умалению статуса ученика, важнейшего этапа на пути совершенствования человека. Святослав Николаевич, находясь во взаимодействии с Великими Душами и сам таковой являясь, никогда не называл себя Учителем. Он просто им был. И никогда, кстати, не претендовал на всеобъемлющее знание Живой Этики, хотя она создавалась на его глазах и с его помощью. Тем смешнее выглядят те, которые заявляют, а это иногда происходит в присутствии немалого числа людей, об «абсолютном знании Живой Этики». Энергетическое влияние Святослава Николаевича, ученика космического Иерарха, было велико и, несомненно, меняло энергетику тех, кто входил с ним в контакт и чья энергетика была готова к такому изменению.

Мудра и глубока мысль Святослава Николаевича, которую он выразил в одной из бесед, – меньше стараться обучать друг друга. Главное – самосовершенствование. Начинать надо с переделки самого себя. Это основа всего. Тогда мы сможем помочь и другим. Учительство он рассматривал как помощь другим, а не как средство возвышения над другими. В этой мысли заложен глубокий этический смысл. Великие Души и Великие Учителя приходят, чтобы помочь человечеству. Те же, кто могут, учатся у них. Ибо научить нельзя, научиться можно. И это зависит от самого человека. Ни поучения, ни принуждение, ни насилие – не помогут. Человек сам выбирает себе дорогу и идет по этой дороге один. Когда по ней устремляются «дружные ряды», то вряд ли можно ожидать значительного результата в духовном совершенствовании. Попытка коллективного совершенствования – это пережиток тоталитарного мышления со всеми вытекающими из него последствиями. В противоположность этому вера в самого человека, которую всегда проявлял Святослав Николаевич, представляется главным на «великом и царственном пути самоосвобождения». Он верил в человека и надеялся, что ему ответят тем же. Но это не всегда случалось. Он часто приезжал в Москву, и каждый раз его осаждали желающие с ним пообщаться. В гостинице «Советская», где он обычно останавливался, в дни его пребывания становилось многолюдно и шумно. Он никому не отказывал и для каждого находил время. К концу дня, конечно, уставал, но старался не показывать вида. Не любил, когда какая-то его слабость становилась заметна другим. Но иногда обстоятельства складывались таким образом, что у него не оставалось сил сдерживать себя. В один из дней его визита в 1984 году я пришла в гостиницу. Святослав Николаевич сидел на диване, мне показалось,

¹³ Там же. С. 81.

чем-то очень взволнованный. Я спросила, в чем дело. Он посмотрел на меня, и я увидела в его глазах всплески какой-то глухой боли.

– Связь с Учителем у меня до сих пор продолжается, – неожиданно сказал он, – вы же сами хорошо об этом знаете.

– Что-то случилось? – спросила опять я.

– Что же вам сказать... Сюда ко мне приходят разные люди, и некоторые из них пытаются высказывать свои мысли. Вот и на этот раз так же.

– Не обращайтесь внимания, Святослав Николаевич. Вы же знаете русскую пословицу – «На чужой роток не накинешь платок».

– Да, да, – улыбнулся он. – Но иногда бывает очень больно.

– Кто это был?

– Это не имеет значения.

– Для меня имеет, – настаивала я, потрясенная его болью.

– Ну, ну, – тихо произнес он. – Пусть будет мир на земле. Опустите меч. Лучше продолжим разговор о будущем Музее имени Николая Константиновича. Вот тогда вам этот меч пригодится.

Я не очень тогда поняла последнюю фразу Святослава Николаевича. Мне казалось, что меч не может быть связан с Музеем Николая Константиновича. Но я глубоко ошибалась. Теперь, когда этот Музей с помощью Святослава Николаевича уже создан, часто вспоминаю его пророческую фразу о мече, которым приходится защищать и наследие Рерихов, и имя самого Святослава Николаевича, которое так часто стали умалять в последние годы. Это умаление и неуважение Великой Души есть лакмусовая бумажка, определяющая уровень сознания и невежества тех, кто участвует в этих позорных действиях. С сожалением могу сказать, что немало таких темных личностей есть и в самом рериховском движении. Но это уже другой сюжет. В тот не очень счастливый день в гостинице «Советская» я хорошо поняла, что Святослав Николаевич, помогая нам и защищая нас, сам нуждался в защите.

Международный Центр Рерихов и Музей имени Н. К. Рериха, созданные в 1989 году по его инициативе, прошли и проходят до сих пор через трудности, которые создают и высокие российские чиновники, и правительственные ведомства, и ряд рериховских обществ. Последние, одержимые самостью и амбициями, мало представляют себе, что есть Рерихи и особенно последний из них, передавший нам наследие своих родителей и создавший уникальный культурный центр Рерихов в Москве. Он хорошо знал обо всех этих трудностях.

Я смогла встретиться с ним в 1992 году, через два года после передачи наследия Рерихов в Россию. Святослав Николаевич, перенесший перед этим две серьезные операции, чувствовал себя неважно. Но, несмотря на это, был активен, общителен и охотно шел на беседы, в которых мы обсуждали самые разные проблемы. Был апрель, и в Бангалоре стояла прекрасная прохладная погода, жаркий сезон здесь еще не наступил. Святослав Николаевич и Девика Рани жили в это время в самом городе, в отеле «Ашока». Врачебная помощь, если в ней возникала необходимость, была легко достижима. В загородном его имении не было телефонной связи, и поэтому Рерихи решили на какое-то время обосноваться в отеле. С чего бы ни начинались наши разговоры, Святослав Николаевич поворачивал их к трудностям МЦР и Музея имени Н. К. Рериха. Внимательно выслушивал мои рассказы об этих трудностях, а затем начинал действовать. Тогда же он написал письмо президенту Б. Н. Ельцину с просьбой помочь вернуть МЦР и Музею имени Н. К. Рериха незаконно удерживаемую Музеем Востока коллекцию картин Николая Константиновича. Сделал обращение к рериховским обществам России, тогда уже начавшим нарушать его волю, а через несколько месяцев прислал нам очень нужные документы.

Тогда, в апреле 1992 года, прощаясь со мной, он сказал:

– Ничего не бойтесь. Идите вперед не оглядываясь. Все будет хорошо. Помните, все мы работаем для Будущего. Не огорчайтесь кратковременными неудачами. Думайте прежде всего о Будущем.

Что думал он о нем сам? И как готовил это Будущее? Что делал для этого в последние годы? Ответ я получила тогда же в Бангалоре, посетив его мастерскую в загородном имении, в которой не была с 1990 года, когда работала с наследием Рерихов, готовя его к вывозу в Россию.

Мастерская сохраняла прежний вид. Бронзовые фигурки стояли на своих местах, по стенам висели все те же тханки и миниатюры. На полу, прислоненные к книжным полкам и покрытые полиэтиленом, стояли картины хозяина мастерской. Многие мне были знакомы по выставкам, репродукциям и по личному общению с автором здесь же в мастерской. Это была Красота, сотворенная большим художником. Но вот, вынутые из полиэтиленовой упаковки, передо мной засверкали картины, которых я раньше не видела. Яркие, светящиеся краски, странные, как будто земные и в то же время неземные формы. Тонкое красивое женское лицо, возникшее из каких-то причудливых облаков, деревня и в то же время не деревня, река, струящаяся сквозь горы и освещающая их изнутри. Затрудняюсь и сейчас дать точное описание увиденного мною. Но тогда поняла, что на двухмерном пространстве полотна Святослав Николаевич изобразил тонкий мир четвертого, а может быть, и более высокого измерения. Он видел и прозревал этот мир своими утонченными центрами, высокой энергетикой. Имея в распоряжении язык двухмерного пространства, он сумел с его помощью максимально приблизиться к иному миру, открыть как бы окно в него и тем доказать беспредельную возможность искусства. Полотна несли в себе уникальный духовный опыт самого мастера и повествовали о реальности и доступности нездешних миров. Картины подтверждали то, что сам человек является как бы мостом между ними и миром плотным. Живая Этика, повествуя об особенностях Космической эволюции человечества, утверждает, что сближение миров различных измерений, различных состояний материи есть одна из важнейших задач наступающего этапа эволюции. Я рассматривала странные и необычные картины великого художника, провидца и мудреца, одного из тех, кто облегчает нам путь к сверкающим вершинам Духа. Уже тогда, в мастерской, стала размышлять о том, понимают ли все это те, кто общается со Святославом Николаевичем, беседует с ним, пишет ему письма и иногда даже использует его имя для собственных мелких нужд.

Можно подумать, что Святославу Николаевичу повезло больше, чем остальным Рерихам. Он застал время, когда на его Родине узнали о заслугах Великой семьи, когда стал расти интерес к Живой Этике, начали появляться труды Рерихов без всяких цензурных трудностей и изъятий, ибо сама цензура в том виде, в котором она существовала, перестала быть. Но слава при жизни – достаточно противоречивое явление. Она бывает великодушной лишь к мертвым. К живым она нередко оказывается беспощадной, немилосердной и несправедливой. «Молитесь на ночь, чтобы вам вдруг не проснуться знаменитым», – писала Анна Ахматова.

Из живого человека трудно или просто невозможно сделать ангела или сочинить о нем красивый миф. Это мертвые все сносят, а живой может разрушить созданное о нем представление. И этого никогда живым не прощают. В этом был драматизм положения Святослава Николаевича. Его критиковали те, которые не знали толком ни его самого, ни обстоятельств его жизни. Они искажали его слова, неверно трактовали поступки, а временами просто клеветали, приписывая то, что ему было совершенно несвойственно. Они писали ему письма, ездили в Бангалор, стараясь убедить в неправильности каких-то действий, отрицали правомерность принятых им решений. И, даже давая интервью в газетах, стремились заставить его поступить так, как хочется им. Сказано: «нет пророка в своем отечестве», нет его и в нашем времени...

В беседах со мной он часто возвращался к родителям и старшему брату. Говорил о самом сокровенном, что несли они в себе. Вся семья представляла собой единое духовное явление, что встречается крайне редко в нашей обычной жизни. Он был неотъемлемой частью этой семьи, отражал в себе, как в ясном зеркале, каждого из остальных. Вся семья представляла

собой уникальную голограмму, которую нельзя было, как и реальную голограмму, разбить на отдельные части. Каждая такая часть будет нести целостное изображение. Так и семья Рерихов, каждый из них нес в себе четверых – их задачи, их эволюционную миссию и их творчество.

Святослав Николаевич был последним, кто старался передать память и дать представление о них людям, с которыми встречался и которым доверял. Своего отца Николая Константиновича он называл художником жизни и вкладывал в эти слова самый высокий смысл. Будучи связан с Николаем Константиновичем тесными сыновними узами, он время от времени заставлял себя как бы отойти на какое-то расстояние от его царственной фигуры, чтобы оценить величие, которое тот нес в себе как человек, художник, ученый и мыслитель. И эта отстраненность рождала у Святослава Николаевича точные и яркие слова, определяющие суть Великого человека.

«Пройдет еще много лет, – писал он, – прежде чем всесторонне будет оценен вклад Николая Константиновича в сокровищницу культуры человечества и его глубокое провидение в будущее. Его книги заключают в себе самые замечательные мысли, объединяющие мечты и чаяния всех народов всех стран. Но все это еще дело будущего»¹⁴. И в этой оценке нет преувеличения. Действительно, и Николай Константинович, и вся семья Рерихов работали на Будущее, на будущую эволюцию, на те процессы, которые еще только формировались в глубинах Космоса, чтобы потом проявиться на орбите нового витка Космической эволюции.

Осмысливая общечеловеческое значение творчества отца, Святослав Николаевич отмечал одну его важную черту – тесную связь с Россией, подлинный его патриотизм и непреходящую любовь к Родине. Он не принимал мнения ряда русских художников и искусствоведов, особенно распространенного в 1980–1990-е годы, что русским художником можно считать Николая Константиновича только до поездки его в Индию. После этого он таковым не считался. Помню, в один из моих визитов в Бангалор Святослав Николаевич пригласил в загородное имение и там показал мне удивительные, прекрасные картины отца. Многих из них я еще не знала. Мы сидели в мастерской, и двое слуг бережно ставили на мольберт одну за другой картины Николая Константиновича, написанные в Индии. Мне до сих пор трудно забыть то потрясшее меня впечатление от этих произведений, их глубокой красоты, именно глубокой, – другого слова для нее не было, – от озаряющих красок, музыки света, которая звучала с каждого полотна.

– Ну как? – спросил Святослав Николаевич.

И я поняла, что и он находился, не знаю который раз, под волшебным воздействием этих полотен.

– У меня нет слов, – ответила я.

– Вы знаете, и у меня не было слов каждый раз, когда я видел новую картину Николая Константиновича. А кстати, – загадочно улыбаясь, спросил он, – смогли бы вы, не зная, чьей кисти принадлежат эти картины, определить национальность художника?

Вопрос был столь неожидан, что я не смогла сразу на него ответить. Мне и в голову не приходило искать в этих картинах какие-то признаки национальности их автора. Святослав Николаевич, видя мое затруднение, пояснил:

– Это важный вопрос, по крайней мере для меня. Можно ли это считать русской живописью?

– А как вы думаете? – спросила я.

Он как-то задумчиво посмотрел на меня и сказал:

– Конечно, можно.

– Почему? – спросила я.

– Давайте посидим еще перед этими картинами и ответим на этот вопрос.

¹⁴ Рерих С. Н. Стремиться к Прекрасному. С. 74.

Мы посидели, и через какое-то время я поняла, что передо мной действительно картины русского художника. Кроме своеобразия стиля и формы, от картин шла эманация, если можно так сказать, неосязаемая, но вполне реальная. Определить эту эманацию своими словами я не смогла. Но вдруг на память пришел Пушкин – «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». И я сказала эти слова Святославу Николаевичу. И он как-то весь преобразился и, я бы сказала, засветился.

– Ах, как хорошо сказал Пушкин! – воскликнул он. – «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Ну, а теперь идемте ужинать, а после ужина продолжим.

Потом, некоторое время спустя, я поняла всю серьезность заданного мне Святославом Николаевичем вопроса. Осмысливая общечеловеческое творчество отца, он считал важнейшей чертой этого творчества тесную связь с Россией и непреходящую любовь великого художника к своей Родине. То, что Рерихи были русскими, тоже, по всей видимости, не было случайным: Русь – Индия встает огненным сполохом над их судьбой. Русь – Индия – не только как историческое и культурное понятие, но и как энергетическое, суть которого раскрывает эволюционную тайну такого сочетания. «Русь – Индия, два магнита, два устоя», – писал Николай Константинович, имея в виду их роль для будущего планеты. Культура той и другой страны носит синтетический характер и включает в себя самые различные элементы мировой культуры. Изначально обе культуры имели общий источник. И в течение ряда веков существовало малообъяснимое тяготение их друг к другу. Если Индия являлась как бы энергетическим полюсом древнего мира, где зародились новый вид человечества и его новая духовно-энергетическая система, то Россия, расположенная на соединении Востока и Запада, в преддверии нового эволюционного витка и формирования в нем нового человечества, принимает в наше время энергетическую эстафету от Индии. Без энергетического поля индийской культуры не сформируется новый энергетический полюс в России. Одно без другого не сложится, одно без другого существовать не сможет. Новая энергетика вырастает из старой, используя то необходимое, что было наработано старым центром.

Так же как и остальные Рерихи, Святослав Николаевич любил Россию, был очарован ее культурой, убежден в высокой миссии страны. Он всегда верил в ее будущее и всегда ощущал как свою Родину, которую он покинул двенадцатилетним мальчиком. Его высказывания о России глубоки и точны. Мне хочется привести несколько из них.

«Я всегда верил, – говорил он, – что России предопределена особая, исключительная роль. В России сошлись Восток и Запад. А потом ее размеры, географическое положение. Все это чрезвычайно важно»¹⁵.

«России предопределена великая, по существу космическая роль на Земле»¹⁶.

И еще: «Россия – это пространство будущего»¹⁷. Он считал Россию страной эволюционной энергетики, сложившейся в течение многих веков на ее великих просторах. Ее избрала сама эволюция, не освободив ни от трудностей, ни от препятствий, ни от страданий, ни от всякого рода противостояний и конфликтов.

Живя многие годы в Индии, Рерихи работали на Россию, России они завещали свое творческое наследие. Младший из них, Святослав Николаевич, завершил эту работу и завещал похоронить себя в России, в городе, где родился, где ходил в гимназию и сделал первые свои рисунки. Город этот носил имя Санкт-Петербург, потом Петроград, Ленинград и теперь снова Санкт-Петербург. Его смерть и похороны были завершающей драмой его жизни. Воля последнего из Рерихов не была выполнена, ибо в последний момент оказалась в зависимости от нечестных и корыстных людей и чиновников, не способных принять смелое и справедливое

¹⁵ Рерих С. Н. Стремиться к Прекрасному. С. 117.

¹⁶ Рерих С. Н. Стремиться к Прекрасному. С. 113.

¹⁷ Там же.

решение. Я не буду подробно останавливаться на этих событиях, свидетелем которых была. Об этом есть немало публикаций, и сама я об этом уже писала и говорила. Все началось в Москве в конце января 1993 года звонком секретаря Рерихов и закончилось могилой Святослава Николаевича в Индии, в его загородном имении. Для меня это были дни, наполненные горечью утраты и отчаянием – нарушена воля покойного. Это были дни, когда я видела его в последний раз. Сначала в госпитале в бессознательном состоянии, а затем уже мертвым, лежащим на больничной каталке, в своем парадном светло-кремовом костюме. Лицо его, успокоившееся после боли, помолодело и стало каким-то ясным и казалось еще живым. Я коснулась его лба, он был еще теплым, как будто все, что с ним случилось полчаса назад, было неправдой. Казалось, что он сейчас откроет глаза и спросит: «Почему вы все здесь стоите?» Но этого не произошло. Через день была гражданская панихида в «Читракала Паришад», в Бангалорской академии художеств, которую создал и финансово поддерживал Святослав Николаевич. Гроб поставили в одном из выставочных залов. У изголовья повесили его картину «Господом Твоим». Индийский государственный флаг и Знамя Мира свешивались с гроба. Приехал главный министр штата Карнатака, присутствовало несколько наших чиновников, включая посла России. Несколько часов шла у гроба длинная очередь. Когда прощание закончилось и люди разошлись, Девиду Рани приподняли над гробом, чтобы она простилась с мужем. Но она молча смотрела куда-то в сторону, прощаться не стала и попросила поставить на пол. У меня сложилось впечатление, что у нее что-то сдвинулось и, возможно, она не очень понимала происходящее. Был уже конец дня, когда от «Читракала Паришад» отъехал катафалк в сопровождении целого эскорта машин. Все боялись, что не доедут до имения засветло. Катафалк увеличил скорость и неся, подпрыгивая на ухабах плохой загородной дороги. Потом гроб долго и неловко опускали в свежерытую могилу. Я бросила комок земли, и на ладони остались красноватые следы от тропического краснозема. Отделение индийских солдат отсалютовало из старинных ружей, тем самым подтвердив государственный уровень похорон. На следующий день я улетела в Дели, чтобы захватить московский рейс. Уже в самолете я стала осознавать случившееся и поняла, что видела Святослава Николаевича в последний раз и что больше я ни живого, ни мертвого его не увижу...

Людмила Шапошникова. 06.05.2004 г. Москва

Он верил во все Прекрасное

В январе 1984 года Национальная академия наук Индии отмечала золотой юбилей – 50-летие со дня основания. Мы с женой были командированы в Дели как представители Академии наук СССР для участия в торжественном заседании по этому случаю, вручения поздравительных адресов и памятных подарков.

Святослав Николаевич также прилетел на это торжественное заседание из Бангалора, и в Дели состоялись наши первые встречи с ним. Однако они носили беглый характер и происходили в присутствии других людей.

Запомнилась величественная осанка, умные выразительные глаза и чистая русская речь без каких бы то ни было вульгаризмов, свойственных современному русскому языку. Святослав Николаевич приглашал приехать к нему в Бангалор для переговоров о судьбе усадьбы в Кулу и об обработке коллекций, собранных его отцом в Тибете и в Гималаях.

Этим приглашением нам удалось воспользоваться в конце следующего 1985 года, когда мы с женой снова были командированы в Индию для установления связей с некоторыми научными учреждениями этой страны. Командировка предусматривала посещение Бангалора. В этом городе, в благодатном по климатическим условиям районе на юге Индии существует своя провинциальная академия наук с шестнадцатью институтами по разным разделам естествознания. Там же находятся независимый от этой академии крупный Физический институт имени Чандрасемара Рамана и Правление общества геологов Индии.

Святослав Николаевич имел в Бангалоре небольшой дом, но проживал не в нем, а в своем поместье в 18 км к востоку от города. На следующее утро после окончания переговоров в научных учреждениях мы созвонились с ним, он прислал за нами машину, и уже около 11 часов мы были встречены им и Девикой Рани, которую увидели впервые. Прежде чем что-нибудь показывать, Святослав Николаевич «набросился» на нас с расспросами о том, что происходит в России. К этому времени уже началась перестройка, и его очень интересовало, что это такое, что за человек М. С. Горбачев и что с Россией будет дальше. Боюсь, что мы его разочаровали, потому что сами были недостаточно компетентны для ответа на его вопросы, но тогда мы все надеялись на лучшее, и эту надежду старались внушить ему.

А Святослав Николаевич во время беседы несколько раз повторял: «Ведь я русский человек, и то, что происходит в России, волнует меня гораздо больше, чем все здешние религиозные и национальные распри».

Потом разговор зашел о небольшом имении Рерихов на севере Индии в Кулу (штат Пенджаб), где жил и умер отец Святослава Николаевича, художник Николай Рерих. По этому вопросу не удалось ни о чем договориться. Святослав Николаевич рассказал, что он уже не раз сообщал нашему послу в Индии о своем желании продать за недорогою цену это имение правительству СССР или любому солидному научному учреждению нашей страны, и удивлялся, почему на это предложение нет ответа. А я перед этим разговаривал в нашем посольстве и с секретарем департамента охраны природы Индии академиком Хошу. Они мне объяснили, что продажа какого-либо участка земли близ границы Индии другому государству невозможна и что они предлагали Святославу Николаевичу продать имение этому департаменту для создания в нем и вокруг него биосферного заповедника, в котором смогут работать и советские ученые.

Я напомнил Святославу Николаевичу об этих предложениях, но он возразил, что индийские учреждения «только обещают, но ничего не делают» и что, если не хочет Россия, он будет вести переговоры с правительством Болгарии.

Надо сказать, что перед нами у Святослава Николаевича была дочь Тодора Живкова, Председателя Государственного совета Болгарии, которая заводила с ним какой-то разговор о создании в Кулу болгарского научного центра.

Потом (после легкого завтрака) Святослав Николаевич повел нас в свою мастерскую и с помощью слуги стал показывать одну за другой картины, десятки которых стояли прислоненные к стене. При этом он выразил сожаление, что в Индии спроса на его картины почти нет, и говорил, что своим благосостоянием он обязан не им, а обширной плантации мексиканских эфирноносных деревьев, из плодов которых выжимают сок, покупаемый французскими парфюмерными фирмами.

Картины Святослава Николаевича и там, и позднее на выставках в Москве производили неизгладимое впечатление. Он, несомненно, великий художник, причем, в отличие от отца, тоже великого художника, он замечательный портретист. О Рерихах как художниках надо говорить, конечно, не мне, а искусствоведу. Я же могу только сказать, что портреты Святослава Николаевича Рериха необычайно психологичны. Глядя на них, видишь не только внешний облик, но и душу человека. И не случайно именно ему, а не какому-нибудь индийскому художнику правительство Индии заказывало портреты Джавахарлала Неру, а потом Индиры Ганди, которые украшают стены зала заседаний Парламента в Дели.

Однако Святослав Николаевич писал не только портреты. Большая серия его великолепных картин посвящена природе и быту народа южной Индии. Нам, северянам, краски этих картин кажутся слишком яркими, а переходы между ними слишком резкими. Нашему глазу привычнее более мягкие, приглушенные тона. Надо сказать, что в Индии, особенно на юге этой страны, краски природы и одежд действительно очень яркие, а небо под вечер действительно бывает не блекло-голубым, а таким же оранжевым, как на некоторых картинах Святослава Николаевича.

Сидя перед мольбертом, на котором чередовались его картины, и позднее в столовой, Святослав Николаевич почти не вспоминал о детстве в России и о Кулу, но много и охотно рассказывал о своей жизни в Бангалоре. Например, помню рассказ, говорящий о его пантеистических чувствах.

С востока к имению примыкает лес, в котором обитают различные животные, в том числе большое стадо диких слонов. Однажды на рассвете люди были разбужены громким трубным ревом. Оказывается, на окраине усадьбы в колодец провалился слоненок, а вокруг собрались взрослые слоны и режут, как бы призывая на помощь. Увидев подходивших Святослава Николаевича и рабочих плантации, слоны отошли и остановились в сотне метров, настороженно наблюдая, что будет дальше. Когда они поняли, что люди не причиняют слоненку зла, то подошли поближе. Рабочие помогли слоненку вылезти, и он побежал к своим. Животные подняли хоботы, протрубили благодарность людям и вместе с малышом удалились в лес.

Девика Рани гадала по линиям руки моей жене и мне, предсказывая не очень точно наше будущее. Святослав Николаевич говорил, что он верит в хиромантию и сам пробовал гадать. Но еще больше, говорил он, я верю во все прекрасное.

На следующее утро он заехал за нами в гостиницу и повел в организуемый им художественный музей. Не знаю, что представляет собою он сейчас, но тогда это был еще не музей, а музейный склад, в котором хранилось много украшений из слоновой кости, полотен на шелке с изображением мифических сцен из Рамаяны, знамен и стягов, подобных нашим хоругвям. Там же в музее Святослав Николаевич представил нам нескольких учеников художественной школы, которые обучались за его счет.

После этих двух дней, проведенных в тесном общении со Святославом Николаевичем, мне удалось побывать в Бангалоре еще два раза.

В 1987 году началась подготовка к заключению соглашения о совместных научных исследованиях между Академией наук СССР и Департаментом науки и технологий Индии. Я тогда

работал вице-президентом нашей Академии наук, и мне было поручено объехать главные научные центры Индии с целью выяснить возможную тематику таких совместных исследований. Побывал я и в Бангалорской академии наук, а потом заехал в усадьбу Святослава Николаевича. Визит был краток, и разговоры шли преимущественно о переменах в России.

Святослав Николаевич не любил слова СССР и еще до распада Советского Союза обычно называл нашу страну Россией.

Надо сказать, что в этот приезд он очень помог мне. На следующее утро Святослав Николаевич посетил дом для приезжих ученых, в котором я остановился, и застал меня в некотором смятении. Мне надо было попасть из Бангалора в Хайдарабад для переговоров в Национальном геофизическом институте, а нужного мне воздушного рейса в этот день не было, но в транспортном агентстве мне сообщили, что вечером будет самолет в Хайдарабад из Мадраса. Святослав Николаевич предоставил мне машину, на которой я немедленно выехал в Мадрас. Это была очень интересная поездка, которая позволила мне познакомиться с природой и сельским населением южной Индии. А поздно вечером я оказался уже в Хайдарабаде.

В октябре 1988 года в Дели вылетела большая делегация советских ученых во главе с президентом Академии наук СССР Г. И. Марчуком для подписания соглашения о совместных научных исследованиях. В составе делегации были я и моя жена. После заседаний в Дели и подписания соглашения мы еще раз побывали в Бангалоре у Святослава Николаевича. Он выражал искреннюю радость по поводу установления тесных научных связей между нашими странами.

Александр Янин. 29 января 1994 г. Москва

Идеал духовного человека

Познакомилась я со Святославом Николаевичем в Москве у его брата Юрия Николаевича Рериха. К Юрию Николаевичу попала благодаря Павлу Федоровичу Беликову. Затем Девика Рани стала приглашать меня на различные встречи со Святославом Николаевичем. Мои записи – больше воспоминания свидетеля, нежели воспоминания о личном общении.

В течение тридцати лет время от времени я имела возможность видеться со Святославом Николаевичем и Девикой Рани, когда они приезжали в Москву и Ленинград. При каждом удобном случае я стенографировала беседы с друзьями и посетителями или официальные выступления Святослава Николаевича. Часть стенограмм опубликована в МЦР (*Рерих С. Н. Стремиться к Прекрасному*. М., 1993). Теперь они помогают нам лучше понять мудрость этого великого Человека. Всегда очень просто рассказывал он, как искал и находил счастье в радости, в поиске Красоты везде. Его девизом были слова: «Будем всегда стремиться к Прекрасному». Он хотел, чтобы Красота вошла в жизнь каждого человека как великое ведущее основание.

На каждой выставке Святослав Николаевич, как правило, ежедневно общался со зрителями утром и вечером. Стоило только ему войти в зал, как люди мгновенно устремлялись к нему, тесня друг друга. Плотно окруженный ими, ходил он от картины к картине и отвечал на бесконечные вопросы. Как-то раз одна девушка придирчиво спросила: «Как же это, стремиться к Прекрасному?» Святослав Николаевич ласково посмотрел на нее и сказал: «Начнем с того, что Вы пришьете вот эту пуговичку!» И он пальцем слегка дотронулся до болтавшейся на ее кофте пуговички. Девушка покраснела и тут же исчезла.

Великим праздником не только в моей жизни, но и в жизни тысяч и тысяч людей была первая персональная выставка художника Святослава Рериха в мае 1960 года в Москве и в июне в Ленинграде. Люди делились радостью друг с другом прямо на выставке и высказывали свой восторг и непосредственно Святославу Николаевичу, и в книгах отзывов, и в письмах в музей или гостиницу. Все были в восхищении от его картин, в которых открывалась нам далекая экзотическая Индия с ее людьми и природой, от красоты его супруги Девики Рани. Всех очаровали благородная простота в обращении, аристократическая внешность самого Святослава Николаевича, глубина его суждений и то, что он, несмотря на многие годы, проведенные вне России, остался истинно русским – сохранил лучшие национальные черты и полноценную речь урожденного петербуржца.

Однажды в 1960 году в Ленинграде на выставке картин Святослава Рериха в Эрмитаже, находясь рядом с художником, я отпрянула в изумлении. Юная, полная сил смуглая индийская девушка бросилась в ноги к Святославу Николаевичу. Он немедленно ее поднял. И она темпераментно стала выражать восторг перед мудростью Святослава Николаевича. Она воскликнула, что так рассказать о ее родине может только Великий Гуру! Потом оказалось, что это была студентка Ленинградского университета, приехавшая изучать русский язык из Тамилнада. Так я узнала о бытующем в Индии обычае «брать прах у ног Учителя». Девика Рани рассказала мне тогда, как в январе на этой же выставке в Дели было настоящее паломничество. Люди приходили и из далеких провинций, часами сидели в галерее и вокруг нее и так же стремились брать прах у ног Святослава Николаевича, как эта девушка.

В моем детстве, а родилась я в Эстонии в 1931 году, был духовный авторитет – владыка Павел, архиепископ. Он был похож на Николая Чудотворца и по своим делам, и по облику. Внешне суровый, но добродетельный и справедливый. Этот идеал духовного человека воскрес для меня в лице Святослава Николаевича. Он стал таким же источником духовной радости и веры, Вестником Высшего Мира, как владыка Павел, как Юрий Николаевич. Его благородное влияние на людей сказывалось немедленно. Люди стремились к нему как к служителю Прекрасного, чувствуя в нем душевность, сердечную чистоту, мудрость знания, самоотвержен-

ность. Я никогда не воспринимала Святослава Николаевича как человека светского, хотя поведение его в этом смысле было безукоризненно. Величественным был весь его облик: стройная осанка, внимательный взгляд, немногословность, спокойствие, внутренняя сосредоточенность и постоянное предстояние перед чем-то для меня недоступно возвышенным. Его пристальный взгляд вызывал во мне безотчетный страх и трепет, а редкий ласковый взор – благоговейную любовь. Я чувствовала, что передо мной все понимающий человек.

Накануне открытия юбилейной выставки в Третьяковской галерее в 1974 году Святослав Николаевич показывал свою экспозицию индийскому послу и его супруге с их окружением. Я ходила на значительном расстоянии и пыталась сфотографировать Святослава Николаевича. Вдруг появилась административная дама и громко потребовала: «Не мешайте человеку показывать картины!» На это я ответила: «Перед нами великий художник!» Святослав Николаевич заметил грубое проявление преданности и так грозно посмотрел в мою сторону, что я до сих пор чувствую его внушительный взгляд и свой стыд. Подобные переживания вблизи Святослава Николаевича всегда становились внутренними событиями моего духовного роста.

Иногда выражение лица Святослава Николаевича очень напоминало портретные черты Николая Константиновича или Юрия Николаевича. Сходство с братом сказывалось даже в его походке, а иногда я улавливала в нем черты русского простолюдина. Видела это неоднократно и при разных обстоятельствах, особенно ярко на прогулке в Петродворце (Петергофе) в июне 1960 года. Погрузившись в размышления, Святослав Николаевич быстро пошел в сторону от фонтанов. Решительная походка напомнила Юрия Николаевича, на лице возникло выражение полного портретного сходства с Николаем Константиновичем. Он исчез в толпе, а Девика Рани шла со мной, как обычно, медленной царственной походкой. Когда Святослав Николаевич возвращался, идя нам навстречу, я впервые заметила в нем совершенно другого человека, эдакого крепкого русского крестьянина, и удивилась тому, как в этом человеке сочетаются одновременно аристократическая утонченность и русская простонародность.

Живопись Святослава Николаевича и его личность для меня нерасторжимы. Все богатство его души выражено в картинах. Любовь к Красоте была для него ведущей силой. Он сам говорил, что стремится передать в живописи свою радость от ощущения Красоты во всем. Святославу Николаевичу удалось выразить и такое сокровенное понятие, как тайна женственности. В портрете Девики Рани на синем фоне, в красном сари, с ветвью кораллового дерева над головой, создан одухотворенный, идеально возвышенный образ женщины, напоминающий икону «Умиление», на которую молился Серафим Саровский.

Как великий художник и гуманист Святослав Николаевич видел суть каждого человека и знал, как помочь. Он понимал и любил людей, независимо от их общественного положения.

Мы знаем серию картин Святослава Николаевича «Мои соседи» из жизни индийских крестьян. Он говорил, что это не только его соседи по месту жительства. Картины надо воспринимать философски: мы все – соседи на Планете!

Любовь Святослава Николаевича к народной жизни выражалась и в его рассказах об этих людях, об их необычных способностях и духовных достижениях. Удивительным чувством красоты и сноровкой обладает, оказывается, самая бедная индийская крестьянка. Для украшения хижины у нее нет никаких средств, кроме золы из очага. Утром она последней уходит на работу в поле. Сначала начисто выметает глиняный пол, берет золу и ловко просеивает ее сквозь пальцы, создавая таким способом неповторимые великолепные ковровые узоры.

Восхищался Святослав Николаевич и изумительной памятью неграмотного народа. На праздничных сходах индийские крестьяне могут часами слушать рассказы друг друга о героях народного эпоса. При этом они не допускают ни малейших неточностей в описании их подвигов.

Святослав Николаевич общался также с известным во всем мире человеком – Саи Бабой, который сам приходил к Святославу Николаевичу. Он рассказал, что Саи Баба не только обла-

дает сверхъестественными способностями. Он человек большой духовности и умеет собой управлять. Саи Баба считает феномены или чудеса, которые он творит, скорейшим путем к сердцу людского множества. Благодаря этому и завоевал свою славу. Однако Саи Баба не единственный такой человек в Индии, просто другие ведут отшельнический образ жизни и не имеют близких отношений с людьми. Они встречаются и на севере, и на юге Индии. Святослав Николаевич сказал, что знает отшельника, живущего неподалеку от его дома в горах, силы которого даже превышают способности Саи Бабы.

Все, о чем рассуждал Святослав Николаевич, всегда было всем нам не только интересно, но и поучительно. Духовные запросы, по его наблюдению, даже у образованных людей оказываются порой очень примитивны. В одном из селений в долине Кулу обосновались хиппи. Группу возглавлял образованнейший швейцарец, который закончил несколько университетов, один из них даже в Японии. Группа обрела свою «теорию духовного озарения». Они совершали вот какой ритуал: приняв наркотики, били в огромный гонг и трубили в огромную трубу изо всех сил, рождая кошмарные звуки и галлюцинации. Швейцарец предлагал и Святославу Николаевичу с Девикой Рани присоединиться к их ритуалу. Позднее, встретив однажды Святослава Николаевича, этот человек сказал, что он теперь абсолютно счастлив. И Святослав Николаевич ответил: «Замечательно! Вот и продолжайте свою “счастливую” жизнь!»

Духовно прекрасная личность Святослава Николаевича сказывалась не только в его облике, но и в удивительной способности говорить о необыкновенном обыкновенным языком. В самых простых словах он открывал людям преобразующий сознание смысл Красоты. Он говорил о Красоте как о совершенстве, к которому стремится вся эволюция мира. Чувство красоты заложено во всей Природе. И человеческое стремление к Красоте исходит из общих глубин всех царств Природы. Это стало для меня откровением.

Люди тянулись к нему как к целителю душ, как к преподобному старцу. Когда некто выразил недовольство по поводу того, что Святослав Николаевич уделил слишком много внимания одной душевнобольной женщине, просидев с ней в кабинете своего гостиничного номера два с лишним часа, он ответил, что врач нужен больному, а здоровый сам справится со своими проблемами¹⁸.

Святослав Николаевич больше ориентировал меня на личность Н. К. Рериха и не говорил о подробностях своей личной жизни и творчества. Только со временем я поняла, что Святослав Николаевич считал своим призванием, своим долгом, своей миссией исполнение воли родителей. Этой же цели служило и его искусство.

Смысл жизни для Святослава Николаевича, как и для всей Семьи, заключался в Служении человечеству. Каждый из Четырех нес свой подвиг, свой жертвенный труд. После длительного трудового дня в музее или после официальных выступлений в других местах (в Доме дружбы народов, Доме ученых, Доме кино, Доме писателей и т. д.) каждый вечер допоздна Святослав Николаевич еще и в гостинице со смирением подвижника принимал бесконечных посетителей. Он думал не о себе. Мне пришлось быть одним из немногих свидетелей того, как тяжело было в Москве Юрию Николаевичу и какое личное мужество проявлял Святослав Николаевич после смерти Брата, оказавшись наедине с чудовищем советского партийно-государственного аппарата! Эстафета единоборства с уродливыми представлениями и непредсказуемым поведением власти перешла от Юрия Николаевича к Святославу Николаевичу.

Посетителей Святослав Николаевич принимал ежедневно в течение всего пребывания в Москве или Ленинграде. Ложился поздно, вставал рано. Гостей постоянно приглашал пообедать вместе. Себе всегда заказывал блюда из курицы. Умел пошутить. Во время подготовки персональной выставки Святослава Николаевича в 1974 году в Третьяковской галерее ее организаторы отклонили две картины – «Рошан Ваджифдар» и портрет Христа («Господом твоим»).

¹⁸ «...Не здоровые имеют нужду во враче, но больные» (Матфей, 9: 12). – Ред.

Изящный изгиб упругого тела крутобедрой индийской танцовщицы показался им неприемлемым, вредным для советской молодежи. В гостинице за обедом Святослав Николаевич шутил: «Ведь я же прикрыл неприемлемое с их точки зрения!» Этот портрет в полный рост был написан в 1956 году, а в 1960-м Святослав Николаевич любовался портретом совершенно другой танцовщицы – Иды Рубинштейн в Русском музее в Ленинграде. Очень долго стоял перед этим шедевром В. А. Серова.

В Эрмитаже «Рошан Ваджифдар» выставили, но портрет Христа оказался в кабинете заместителя директора музея повернутым к стене и задвинутым большим дубовым столом. Чтобы показать портрет, гостей приходилось водить туда. Повидаться со Святославом Николаевичем приехали тогда в Ленинград две юные дочери советского генерального консула в Мадрасе Ивана Михайловича Харченко – Наташа и Татьяна. Так как я тенью ходила повсюду за Святославом Николаевичем и Девикой Рани, то тоже оказалась там, в кабинете. Когда стол отодвинули и стали любоваться портретом, я села под стол и сфотографировала на позитивную цветную и черно-белую фотопленки полный портрет и его фрагмент – только лицо с удивительными темно-голубыми глазами. На оборотной стороне портрета я увидела надпись, сделанную самим Святославом Николаевичем по-английски: «Возлюби ближнего своего, как самого себя»¹⁹. Сразу же добавлю, что со временем я близко познакомилась с семьей Харченко.

В 1978 году я встретила у Святослава Николаевича в гостинице «Россия» с Верой Петровной Харченко, затем у них дома с Иваном Михайловичем и младшей, третьей их дочерью Леной. Тогда они уже постоянно жили в Москве. Иван Михайлович работал в Министерстве иностранных дел СССР заведующим сектором Индии в отделе Южной Азии. Однажды я была невольным свидетелем того, с какой сердечностью Святослав Николаевич относился к Ивану Михайловичу. 29 октября 1984 года Святослав Николаевич был приглашен в Институт международных отношений на встречу со студентами. В это закрытое для посторонних посетителей место я попала благодаря Ивану Михайловичу. Мы сидели с ним рядом в первом ряду. Я стенографировала выступление Святослава Николаевича. Как только встреча завершилась, он сразу же, не обращая ни на кого больше внимания, направился прямо к Ивану Михайловичу. Они трогательно обнялись. Потом подошла Вера Петровна. И с ней Святослав Николаевич поздоровался так же светло и радостно.

Так как Вера Петровна чаще, чем кто-либо, бывала у Святослава Николаевича в Индии, я попросила ее описать его повседневную жизнь и нарисовать план его имения. В мае 1984 года она прислала мне в Таллинн подробное описание быта Святослава Николаевича и на миллиметровой бумаге четкие планы имения и дома в Бангалоре с офисом и приемной. Думаю, что все это представляет большую архивную ценность. Документы свидетельствуют об аскетической простоте быта Святослава Николаевича. Один пример. Вход в другие комнаты в доме был через личную комнату Святослава Николаевича. В ней только кровать и столик. С одной стороны вход в столовую, с другой – в ванную с туалетом и лестница наверх, в комнату Девики Рани.

Мне, к сожалению, не пришлось побывать там. В 1992 году я получила от Святослава Николаевича письмо с приглашением стать членом создаваемого им Мемориального совета, или треста. Я ответила, что буду считать себя теперь членом этого Совета и стараться с честью работать на увековечение памяти Великой Семьи. Поехать на открытие я, конечно, не смогла. Письмо это для меня теперь реликвия.

Когда Святослав Николаевич и Девика Рани последний раз были в Москве, в ноябре 1989 года, мне очень хотелось, чтобы Святослав Николаевич разрешил издать сделанные мною стенографические записи его бесед. Он сказал так: «Вот перед Вами Людмила Васильевна! Все свои права я передал ей. Все, и это, решать будет она». Должна сообщить еще один факт,

¹⁹ Матфей, 22: 39. – *Ред.*

относящийся к тому же времени. Я собиралась в США по вызову родственников. Рассказала об этом Святославу Николаевичу и о том, что мистер Энтин пригласил побывать в нью-йоркском Музее Николая Рериха. В ответ услышала следующее: «Кира, а мы дружим с леди Кэмпбелл-Стиббе! Где она сейчас, я не знаю. У нее три адреса. Возьмите их у Мэри». Господин Энтин этими словами был как бы отодвинут в сторону. Позже, в США, госпожа Кэтрин Кэмпбелл-Стиббе сказала мне, что Святослав Николаевич выразился о нем так: «Нам второй Хорш не нужен!»²⁰

Большой радостью для нас была весть о создании в Москве 2 октября 1989 года Советского фонда Рерихов. По предложению Святослава Николаевича меня включили в состав Правления.

24 ноября 1989 года я была на единственном для меня в присутствии самого Святослава Николаевича заседании Правления и сидела с ним рядом.

Прочитав в свое время несколько зарубежных статей о творчестве Святослава Рериха, я перевела их на русский язык. И это было началом собирания хронологических сведений о жизни и творчестве Святослава Николаевича. В январе 1975 года в Ленинграде я рассказала о своей работе Девике Рани, и она выделила в расписании Святослава Николаевича время для уточнения фактов его биографии. Это дало мне возможность составить настоящую летопись жизни и творчества Святослава Рериха. Многие пользовались ею, так же как и стенограммами. Позднее, в 1990 году, летопись была опубликована в издававшемся в Изваре бюллетене «Рериховский вестник»²¹. Я бережно храню черновик с поправками Святослава Николаевича и свой карандаш, которым он что-то вписывал.

Возвращаясь к воспоминаниям сорокалетней давности. Ведь тогда умер Юрий Николаевич, великий ученый, родной любимый брат Святослава Николаевича. Несмотря на личное горе, Святослав Николаевич поступил героически и не уклонился от долга. Он продолжал общаться с людьми, каждый день ходил на выставку своих картин и выступал в лекционном зале музея. Сурово принял от брата эстафету духовного подвига родителей. В течение тридцати лет часто приезжал в СССР и стучался в каменные сердца номенклатурных чиновников.

Работая тогда вместе с М. И. Воробьевой-Десятовской над описью научной библиотеки Юрия Николаевича, я прочувствовала на себе, какой напряженный трудовой ритм жизни был в этой великой семье. Все было подчинено дисциплине труда и только труда! Святослав Николаевич приезжал в разное время и подбадривал, заглядывая в то, что я в этот момент делала: писала ли что-то от руки или печатала. Святослав Николаевич молча внимательно смотрел, а иногда быстро весело говорил: «Хорошо!» Мне же было неловко и тягостно от моего несовершенства. Девика Рани покровительствовала мне. Однажды она сказала Святославу Николаевичу: «Почему ты так ласков со всеми? Обними Киру тоже!» – и вышла из комнаты. Святослав Николаевич обнял, прижал к сердцу. В это незабываемое мгновение я почувствовала, что уже переживала такое прежде во сне, задолго до знакомства с Юрием Николаевичем и Святославом Николаевичем. Сознаю – вот оно! И Святослав Николаевич тут же ушел. Больше такое никогда не повторялось. И когда мы провожали Святослава Николаевича и Девиду Рани в аэропорту, он всех тепло обнимал по-русски, а Риту²² даже поцеловал в лоб по-отечески. И я хотела этого же, но со мной Святослав Николаевич попрощался только за руку.

Святослав Николаевич обладал такой же, как и Юрий Николаевич, необъяснимой способностью найти человека в тесной толпе или в неизвестном месте. Работа над описью прервалась на время нашей поездки в Ленинград. Святослав Николаевич дал Рите деньги на билеты.

²⁰ Луис Хорш – бывший директор Музея Николая Рериха в Нью-Йорке, человек нечестный и своекорыстный. – *Ред.*

²¹ Полный вариант работы К. А. Молчановой «Хронология жизни и творчества С. Н. Рериха» опубликован в книге: *Беликов П. Ф. Святослав Рерих. Жизнь и творчество*. М.: МЦР, 2004. С. 263–286. – *Ред.*

²² М. И. Воробьева-Десятовская.

Он не мог знать, на какой поезд и в какое купе были наши билеты. До отъезда мы больше не виделись. Наш ночной поезд был у того же перрона, напротив «Стрелы», на которой ехали Святослав Николаевич и Девика Рани. Они пришли на вокзал раньше. Мы готовили постели, и вдруг я обернулась. Поверх занавески увидела за окном лицо Святослава Николаевича, окутывающее любовью. «Рита, Рита, там Святослав Николаевич!» Мы, зачарованные, смотрели. Он кивнул и исчез.

В Ленинграде Святослав Николаевич постоянно где-нибудь бывал. В Исаакиевский собор мы пришли в закрытый для посетителей день. Как только Святослав Николаевич оказался у царских врат, он радостно воскликнул: «Вот здесь я мальчиком прислуживал батюшке!» Ездили ко всеобщей в Троицкий собор Александро-Невской лавры. Были в буддийском храме на Приморском проспекте. Святослав Николаевич надеялся увидеть там памятную ему большую статую Будды, но ее не оказалось. И затем Святослав Николаевич искал эту статую в музейных запасниках Казанского собора среди бесконечного множества подобных статуй разного размера. В 1960-м и 1975 годах Святослав Николаевич специально ходил на официальный прием в Исполком Ленсовета хлопотать о том, чтобы переселили из Казанского собора атеистический музей и храму было возвращено значение пантеона Отечественной войны 1812 года. Святослав Николаевич ходатайствовал также и о том, чтобы освободили буддийский храм и восстановили его убранство и назначение. Была я со Святославом Николаевичем и в доме его детства – в квартире на Мойке, где еще Юрию Николаевичу было обещано создать мемориальный музей отца. Квартира оказалась разделенной на каморки. Так как организация мемориального музея затягивалась, то в Русском музее Святославу Николаевичу пообещали выделить два зала на втором этаже корпуса Бенуа под постоянную экспозицию картин Николая Рериха. И это обещание тоже осталось невыполненным.

В июне 1960 года в Большом зале Ленинградской филармонии давал концерт пианист Ван Клиберн, лауреат I Международного конкурса имени П. И. Чайковского. Дифирамбы в его адрес не утихали с 1958 года. Мне хотелось побывать на концерте. Девика Рани сказала, что мы пойдем с ней вдвоем, если Святослав Николаевич откажется. Но он согласился. Когда они вошли в зал, публика приветствовала их стоя, точно бы Святослав Николаевич давал концерт! На другой день я поинтересовалась его мнением о пианисте. Он ответил, что у этого музыканта нет творческой личности. Мне нравилась музыка С. Прокофьева. Захотелось также узнать отношение Святослава Николаевича. Он сказал, что больше ценит раннего Прокофьева.

Девика Рани хотела взять с собой в Индию «Книгу отзывов» посетителей выставки в Эрмитаже и заранее попросила об этом. Ей было отказано. Тогда она стала брать книгу для копирования. Я перепечатывала отзывы на машинке. В 1960 году ксероксов не было, так же как портативных магнитофонов, диктофонов. Выступления и беседы Святослава Николаевича я стенографировала. Писать приходилось без удобств, даже стоя в толпе.

Как высокому иностранному гостю Министерства культуры СССР Святославу Николаевичу всегда выделялась персональная автомашина с водителем. Как-то мы поехали на Крестовский остров, где Святослав Николаевич любовался далеким пространством Финского залива с высоты внешнего овала стадиона. Он вышел из машины и сразу же ушел вперед, сел на траву и устремился взглядом вдаль. Это было время белых ночей: гладь моря сливалась с небом. Девика Рани шепнула: «Не будем мешать. Пусть посидит один сколько захочет!»

Девика Рани рассказала мне, что случилось с ними в московской гостинице «Украина» после возвращения из Ленинграда. Оказывается, их вещи выставили и этот люкс заселили. Для нее такое бесцеремонное отношение было чудовищно. Нетребовательный же Святослав Николаевич соглашался на любой другой номер. Тогда Девика Рани взяла инициативу в свои руки, села около администратора, всем своим видом напоминая о своем иностранном подданстве и человеческом достоинстве. Так она потребовала тот самый или равноценный номер.

В 1975 году Святослав Николаевич и Девика Рани приехали в Ленинград из Москвы 9 января и пробыли там до конца месяца. Выставка открылась 16 января, а закрылась уже в конце февраля. Я приехала в Ленинград всего на десять дней, каждое утро приходила в гостиницу «Астория» к 9.00 и отправлялась со Святославом Николаевичем в Эрмитаж. Позднее туда приезжала и Девика Рани. Ходили по пропускам со служебного входа. Для встреч и приема посетителей Святославу Николаевичу был предоставлен тот самый кабинет одного из заместителей директора музея, где был спрятан портрет Христа. Святослав Николаевич очень активно участвовал в подготовке экспозиции. Увлекаясь, сам начинал переставлять и таскать картины, хотя для этого были рабочие. С большим интересом он знакомился с собраниями Эрмитажа, в частности с отделом западноевропейского искусства. Помню, в зале Тициана внимательно смотрел на «Святого Себастьяна» и на «Кающуюся Магдалину». Внизу, в Старом Эрмитаже, он увидел несколько картин нидерландских живописцев из коллекции родителей.

Утром, до открытия выставки, Святослав Николаевич давал интервью Ленинградскому телевидению в безлюдном зале. Я это сфотографировала и застенографировала.

Каждый день Святославу Николаевичу и Девике Рани предлагали примечательные места для посещения. Мне довелось побывать с ними в Кунсткамере, Доме ученых, Географическом обществе, на пушном аукционе, в Горном музее, а в Академию художеств Святослав Николаевич ездил один.

Как известно, Святослав Николаевич с детства любил природу, очень бережно относился к ней и всю жизнь занимался естествознанием: минералогией, орнитологией, палеонтологией, позднее также фармакопеей, фармакологией и медициной; всерьез интересовался археологией. Он собирал разные коллекции, в том числе и камней. Еще ребенком часто бывал в Горном музее Санкт-Петербурга. И в 1960 году сразу же отправился туда, также и в 1975-м. В Индии у Святослава Николаевича составила редкостная коллекция минералов. После своего возвращения он прислал в 1960 году в дар Горному музею три больших драгоценных камня. Об этом даже сообщали по первой программе московского радио. И во второй приезд в Ленинград Святослав Николаевич долго бродил по Горному музею (музей при Горном институте). У меня есть серебряный перстень с сапфиром, а у Святослава Николаевича на мизинце правой руки тоже был сапфир. Хотелось узнать о его происхождении и о разнице между синтетическим и природным. Святослав Николаевич ответил, что сапфир этот он сам нашел в горах. По твердости они равны, но разница в блеске – у естественного сильнее.

Во время выставки 1974–1975 годов я старалась сфотографировать руки Святослава Николаевича. Его четкие быстрые жесты были очень красноречивы. Обращая чье-то внимание на картину, Святослав Николаевич сопровождал свою речь жестом полководца, полностью вытягивая правую руку, точь-в-точь как М. И. Кутузов на памятнике перед Казанским собором. И ходил Святослав Николаевич быстро, так что я еле поспевала, да и толпа отесняла. Все же несколько кадров есть, в том числе и с сапфиром, хотя черно-белые.

Уезжая в 1975 году из Ленинграда, Святослав Николаевич подарил Эрмитажу девять своих картин по выбору искусствоведов: «Надежда», «Вечный зов», «Лахул» (1944), «Красное дерево», «Весна в Кулу», «Часовые», «Тот другой мир», «Лакшамма», «Красные стволы». Просили также «Гирнара», но Святослав Николаевич не захотел расставаться с картиной. С 1960 года там уже были две большие картины в постоянной экспозиции Индийского зала. Это – «Когда сходятся йоги» и «Весна. Священная флейта». Так что в Эрмитаже одиннадцать картин Святослава Рериха.

В советское время существовали негласные ограничения в общении с иностранцами. В гостиницах была введена обязательная регистрация всех посетителей, ежедневный список которых должен был составлять приглашающий и передавать администратору. У Святослава Николаевича список вела официальная представительница Министерства культуры – секретарь-переводчик.

Каждый раз, приезжая на Родину, Святослав Николаевич неизменно ходил по одному и тому же маршруту официальных визитов: Академия наук СССР, Академия художеств СССР, Министерство культуры СССР. Эти визиты стоили Святославу Николаевичу самого высшего напряжения духа. Он пробивал глухую стену тайного противостояния его предложениям и просьбам. Чиновничий люд вынужден был принимать Святослава Рериха и считаться с ним по многим причинам. У С. Н. Рериха было индийское гражданство в связи с женитьбой. Он всегда приезжал с Девикой Рани, и на всех официальных визитах и приемах они бывали только вместе. Союз Девики Рани и Святослава Николаевича как бы олицетворял в жизни мечту Н. К. Рериха о союзе России и Индии. Н. К. Рерих писал о России и Индии как о двух магнитах, о двух устоях в равновесии мира. Общественная деятельность Святослава Николаевича в Индии и его авторитет в правительственных кругах, сердечная дружба с Джавахарлалом Неру – все это обязывало советских чиновников относиться к Святославу Рериху внимательно. И, тем не менее, с каждым официальным визитом Святослав Николаевич все более убеждался в их лицемерии. Обещали ему открыть в Институте Гималайских исследований «Урусвати» филиал Академии наук, обещали достойно увековечить имя Отца и создать мемориальный музей в Ленинграде, в Москве – музей на квартире Брата, великого востоковеда Ю. Н. Рериха. Однако ничего этого до сих пор нет!

Должна еще сказать, что и музейные работники устраивали персональные выставки картин Святослава Рериха только по требованию политических деятелей, а не в силу признания его искусства. Говорили, что это художник, которого пригласил Н. С. Хрущев, и продолжают приглашать его только потому, что идет заигрывание с Индией. Вот такое было предубеждение и умаление искусства великого художника на Родине. Еще ни один искусствовед по-настоящему не воздал должное жизни и творчеству художника Святослава Рериха, а Почетным членом Академии художеств СССР он стал только после того, как был избран Почетным членом Академии художеств и доктором Велико-Тырнового университета имени Кирилла и Мефодия в Болгарии.

Глубокие исследования творчества Святослава Рериха есть, но это сделали люди, чьи имена не авторитетны у искусствоведов. Это замечательный рериховед Павел Федорович Беликов, живший в Эстонии, и алтайский художник Леопольд Романович Цесюлевич. Они первые обратили внимание на то новое, что внес в искусство живописи Святослав Рерих.

Многое из жизни Святослава Николаевича я узнавала от Девики Рани. Так впервые именно от Девики Рани услышала еще в гостях у Юрия Николаевича, как Святослав Николаевич трогательно заботился о животных и птицах. Тогда их было очень много на территории усадьбы. Иногда ему приходилось спасать и лечить их. Они сами являлись за помощью. Святослав Николаевич проявлял в этом большую находчивость. Для хромой птицы ловко пристроил какие-то подпорки, благополучно прооперировал. Если посмотреть на картины серии «Священная флейта», где ослики и буйволы млеют от звуков флейты, то само собой становится ясно, как относился он к животному миру.

Беседуя, Святослав Николаевич любил рассказывать о своих наблюдениях за жизнью зверей, птиц, насекомых. От него я услышала о птичке-садовнике, обитающей в тех местах. Он рассказывал, как птичка вьет гнездышко из веточек и листьев и украшает яркими цветами. Каждый день убирает увядшие и приносит свежие. Святослав Николаевич восхищался разнообразием и благородством растений, красотой бабочек и кристаллов, а однажды подробно рассказал об иерархическом устройстве жизни термитов.

На территории усадьбы два озера. Каждый год на них прилетало множество диких гусей и уток из Центральной Азии. Дикie слоны постоянно приходили на водопой. Святослав Николаевич наблюдал за их поведением, как они трогательно заботятся о слонихах и малышах. Когда наступают роды, все стадо выстраивается вокруг роженицы хоботами наружу, а потом продвигается со скоростью слоненка. Когда однажды малыш провалился в заброшенный коло-

дец, все слоны столпились и стали подрывать вокруг землю. Они сразу же отошли в сторону, когда на помощь пришли рабочие. Слоны наблюдали за работой людей и терпеливо ждали. Рабочие спустились в колодец, слоненок послушно дал связать себя веревками, а как только оказался наверху, сразу же разорвал веревки и присоединился к стаду. Святослав Николаевич рассказывал, улыбаясь, радовался уму животных. А вот случай из жизни рабочих слонов. Они носили бревна и сбрасывали в котлован для фундамента. Вдруг один слон положил бревно на краю котлована и заупрямился. Когда кто-то догадался посмотреть, в чем дело, спустился вниз и вынес котенка, слон тут же сбросил бревно.

Еще в 1984 году Святослав Николаевич с горечью говорил о расточительном отношении людей к природе. Она быстро отступает под натиском цивилизации. За последние годы исчезли птицы на его озерах. Долина Кулу на севере Индии раньше была подобна заповеднику. Леопарды, медведи ходили даже возле дома и никого не трогали. Были лани, муравьеды, дикие куры. Все переменялось всего лишь за двадцать пять лет. И так повсюду. В Европе тоже стало очень мало птиц. Нарушен экологический баланс. Людям следовало бы понимать и помнить, что, оберегая окружающую среду, они оберегают себя. Но от осознания до действия очень далеко. Цивилизация прогрессирует, условия жизни как будто бы улучшаются, а человек не становится лучше.

Цивилизация, земные блага – не самоцель. Истинный путь человека – развить себя. Однако цивилизация повсюду отвлекает от внутреннего мира, уводит от знания, что делать с собой. И в результате по-прежнему остро стоит проблема мира. Очень трудно убедить «известный круг общества», так выразился Святослав Николаевич, что мир абсолютно необходим. Поэтому мы все должны работать так, чтобы идея взаимопонимания, взаимопомощи, дружелюбия расширялась. Конференции, договоры – хорошо, но они проблему не решают. Проблема решается только от сердца к сердцу и когда у людей есть высшие идеалы. То главное, что сразу же обрадовало меня с самого начала знакомства со Святославом Николаевичем, это утверждение мысли о необходимости самосовершенствования. В ней ярко выражен Закон свободной воли. Бытующее в советском обществе представление о единении людей претило мне. Оно было искажено навязыванием насильственного коллективизма – мысли о том, что коллектив всегда прав.

Святослав Николаевич рассказывал, как развивать себя духовно, как развивать свое внутреннее устремление, исходя из православной традиции, но смотря на жизнь без церковной предвзятости. В Православии известна внутренняя (так называемая умная) молитва, то есть постоянное предстояние перед Высшим и устремление. Он приводил примеры из жизни русских подвижников – Серафима Саровского, Иоанна Кронштадтского, а также из «Добротолюбия». Он говорил, что устремление растет и ведет нас по жизни, если человек ежедневно старается претворять свои убеждения в дела, каждый день думает об этом и выполняет каждую свою пусть и маленькую задачу как можно лучше. Человек духовно растет, даже подметая пол, если делает это сознательно, сегодня лучше, чем вчера. Человеку надо побеждать себя, а не других. Исправить человечество одним взмахом невозможно. На это уйдут годы – столетия работы.

И я почувствовала, как работал Святослав Николаевич над тем, чтобы оградить мир от разрушения *воспитанием*. У него не было иного смысла жизни. Всем своим существом и творчеством Святослав Николаевич скромно внушал нам мысль о том, что надо стараться изменить *себя*. Только путь самосовершенствования приведет к сотрудничеству и единению... Великая радость быть живым свидетелем жизни Великого Подвижника!

Для всех, кто открывал свое сердце и доверял Святославу Николаевичу как мудрому Наставнику, его личный пример был источником высокой духовной радости и веры.

В завершение примите, пожалуйста, подлинные слова Святослава Николаевича из беседы 10 ноября 1982 года: «...Наша задача – это совершенствование себя. Это лучшее, что мы

можем дать другим! Личный пример – самая живая сила, которая действительно дает вдохновение другим людям».

И еще об одном следует упомянуть.

В 1974 году в Москве на научной конференции в Академии художеств СССР, посвященной 100-летию со дня рождения Н. К. Рериха, Святослав Николаевич сказал, что изучение творческого наследия многогранной личности Николая Константиновича только начинается. Святослав Николаевич хотел, чтобы прежде всего широко изучали творчество Отца. Идея просвещения народных масс владела Н. К. Рерихом с начала века, когда он намеревался преобразовать художественно-промышленную школу в Петербурге, директором которой он был, в Свободную народную академию как «художественно-просветительское учреждение», но помешали события семнадцатого года. Затем Н. К. Рерих стал воплощать эту идею в Соединенных Штатах Америки. Были созданы Институт объединенных искусств, Международный художественный центр «Корона Мунди», Лига Культуры, но произошло гангстерское предательство. И вот в конце столетия снова Россия: воплощение великой идеи Великим Сыном – создание Международного научно-художественного и просветительского центра Рерихов.

«Я положил основание Агни Йоги на четыре конца, как цветочный пестик». Это одно из сокровенных указаний в Знаках Агни Йоги на то, что за именем «Рерих» стоит творческое наследие всей Семьи. Этот бесценный дар человечеству окончательно сложился из объединенного сознания и деятельности Четырех.

Кира Молчанова. 2001 г. Таллинн

Искусство жизни

Так получилось, что мне посчастливилось многократно встречаться не только с Юрием Николаевичем Рерихом, но также и с его братом Святославом Николаевичем. Индивидуальных встреч было немного, больше коллективных. Я присутствовала почти на всех вернисажах выставок как Николая Константиновича, так и Святослава Николаевича, которые он открывал в разных городах России начиная с 1960 года; на многих конференциях, лекциях и выступлениях в разных учреждениях культуры, например в Доме дружбы, Доме кино, Доме ученых, на юбилейных торжествах, посвященных 100-летию Николая Константиновича Рериха, проходивших в Большом театре. Теперь почти все выступления Святослава Николаевича напечатаны в разных изданиях. В этих воспоминаниях отмечу лишь особенно запомнившиеся моменты и встречи, акцентирую внимание на некоторых его высказываниях, имевших, по-моему, особую значимость для него, к которым он сам повторно возвращался в беседах – с разных сторон, в различных сочетаниях.

Вспоминая Святослава Николаевича Рериха, особенно хотелось бы выделить его нравственный облик. В 1960 году во время встречи с ним в Москве в квартире Юрия Николаевича, мой отец, Рихард Яковлевич Рудзитис, задал вопрос о возможностях деятельности последователей Живой Этики (имелось в виду хрущевское время, время крайнего атеизма, бездуховности). Святослав Николаевич сказал: «Главное – это личный пример. Это может быть в сотни и в тысячи раз больше, чем все остальное»²³.

Многократно, говоря о самосовершенствовании, Святослав Николаевич рассказывал о своем отце: «Николай Константинович всегда ставил искусство жизни выше всякого другого искусства. То есть он был не только великим художником, он был, прежде всего, великим художником жизни». В год празднования 100-летнего юбилея Николая Константиновича, выступая со сцены Большого театра, Святослав Николаевич назвал отца «совершенным человеком»: «Надо было знать Николая Константиновича, нужно было с ним жить, чтобы действительно оценить эту изумительную личность, замечательную во всех своих гранях и замечательную по своей человечности! Для меня он олицетворял как бы совершенного человека – то, о чем говорили в свое время Конфуций и другие люди, которые представляли себе, каким должен быть, каким может быть совершенный человек». Тогда же, касаясь пространного доклада академика В. С. Кеменова о деятельности Николая Константиновича, Святослав Николаевич добавил, что «он был замечательный человек, но он был не один! У него была верная сотрудница – моя матушка Елена Ивановна. Вместе они провели всю свою жизнь и с самого начала слились в прекрасный союз – единый общий подвиг. Даже в очень трудные минуты жизни Николай Константинович всегда оставался самим собой, вполне уравновешенным, вполне гармоничным человеком. Он никогда не волновался и поэтому мог спокойно решать самые сложные задачи в очень трудные моменты и находить самые лучшие решения».

В молодые годы моей жизни, когда я еще училась в Латвийской академии художеств, Святослав Николаевич особенно сильно воздействовал на меня как пример настоящего художника. Представители западной школы, к которым уже тогда относилось большинство преподавателей и студентов нашей академии, оставляли живописи только проблемы художественной формы и цвета, негативно относясь к идейной стороне и считая все это не делом живописи, а скорее кино, театра или литературы. Потому на лекциях Святослава Николаевича, знакомясь с его мировоззрением, с «мышлением цветом», я уже в те годы обрела полную ясность в различии между подлинным искусством – целостным единством, объединяющим мысль – содержание и цветоформу, и модным формотворчеством, безыдейным трюкачеством красками. «Ослепи-

²³ Здесь и далее – запись слов С. Н. Рериха из личного архива автора.

тельна радуга цвета. Потому я верю в цвет. Когда стараюсь представить новые мысли о чем-то, я мыслю в цвете. Сюжеты связаны вместе цветом. Мысль приходит с цветом. Я не ищу в эксперименте, чтобы передать что-то. Все уже решено само – проекция моих мыслей», – говорил в своей лекции на выставке в Ленинграде в 1960 году Святослав Николаевич.

Подлинное искусство, конечно, не внешний натурализм, не социальность и литературщина, как в советские времена, когда часто даже самые безобидные поиски цветоформы назывались «авангардом» и преследовались. Мастер утверждал, что рядом с цветом стоит мысль, а значит – душа художника, и только глубоко пережитое, прочувствованное, осмысленное и «намоленное» произведение по-настоящему глубоко действует на людей, на сознание и душу: «Я всегда считаю необходимым, чтобы через искусство стараться передать истину, правду, чтобы человек-художник действительно жил этим и хотел передать именно то, что он чувствует. Тогда его произведение, картина будет всегда особенно убедительна». В своих лекциях и беседах Святослав Николаевич очень часто ставил примером Рембрандта: «Когда Лейбниц наблюдал Рембрандта за работой, он видел, что Рембрандт вообще писал гораздо меньше, чем медитировал над картинами, которые писал. Рембрандт всегда верил, что если он может прочувствовать настроение картины, то эта картина и будет излучать это настроение. То есть если я счастлив, то и эта картина будет действовать на зрителя именно так; если я угнетен, то и моя картина будет это излучать. Другими словами, он верил в силу своего воображения, своего чувства и верил, что картина может это передать». Высказывания Святослава Николаевича Рериха в то время для меня, студентки, были вдвойне актуальными.

В личности Святослава Николаевича мудрец, человек большой совести, и художник, творец цвета, слиты воедино. В каждой беседе он призывал людей устремляться к лучшей жизни – «жизни, исполненной красоты и совершенства». Художник-мыслитель утверждает бытие как труд, труд как творчество, а творчество как соединение с Высшим Миром.

Когда мы смотрим на многочисленные картины С. Н. Рериха, то входим в его «дом духа», знакомимся с его миром, с его страной – державой, с теми людьми, с которыми он жил рядом, которых знал и любил или просто встретил на своем пути.

Многие картины свидетельствуют о его гражданском отношении к событиям в мире, войнам, катаклизмам, проблемам технократизации общества, экологии природы и человека. Целые серии и отдельные картины посвящены сюжетам из Библии, Евангелия, свидетельствуя о глубине его религиозных переживаний. Большинство произведений – о многогранной жизни Индии, ее легендах, исторических образах, о современных окружавших художника людях. Во всем этом многообразии сюжетов, в том, как написаны картины, весь нравственный облик художника.

11 мая 1960 года в Москве в Музее изобразительных искусств открылась первая выставка работ Святослава Николаевича. На вернисаже я не смогла быть – из-за экзаменов в Латвийской академии художеств. Приехала только 25 мая и сразу пошла на выставку.

Особенно запомнилось первое впечатление: чистота и музыкальная звучность ярких цветосочетаний. После темных, серых полотен кажется, что поднимаешься из подвала в ослепительно яркий солнечный день... Природа и люди Индии... Новизна формы, цветовых отношений, ритмов и линий, открывающая совсем необычные и новые мысли, чувства, новое содержание...

Еще до того, как мой отец Рихард Яковлевич Рудзитис представил меня великому мастеру, я увидела его проходящим по залам выставки с супругой, знаменитой индийской киноактрисой Девикой Рани, одетой в ярко-алое индийское сари. Стройный, подтянутый, в светло-бежевом восточном френче, он шел удивительно легкой и вместе с тем величественной походкой...

Всматриваемся в портреты выдающихся государственных деятелей, монархов, философов и мудрецов, портреты необычайно красивых женщин на фоне цветущих деревьев и милых

крестьянских детей. Рядом – монументальные апокалиптические полотна: ужасы войны, разверзшиеся небеса, с которых изливается на людей Божья кара. Через всю картину – силуэт распятого богочеловека. Дальше – библейские сцены: «Победа Давида над Голиафом», «Борьба Иакова с Ангелом», «Добрый самаритянин».

И снова сказочная Индия, ее удивительные цвета – красная земля и красная или смуглая кожа полуобнаженных женщин, желтое небо и силуэты зелено-желтых пальм. Все цветет, наполненное южным солнцем, в ярких бликах и сказочных узорах растений. Царственно украшены жемчугами и перламутровыми ракушками морских глубин загорелые дочери моря. Как это все чудно!

Отец зовет нас, и мы с сестрой входим в кабинет директора музея. Святослав Николаевич и Девика Рани обнимают отца и нас. Высокий светлый лоб, умеренно рельефные скулы, прямой нос, гладко причесанные седые волосы, закрывающие губы большие усы и небольшая борода – все гармонично, красиво. Взгляд больших темных глаз под густыми бровями поражает силой и вместе с тем излучает необычайную теплоту, приветливость – невольно подпадаешь под его обаяние... А рядом Девика Рани – облик ее мне знаком с самого детства из индийского журнала, который я любила листать. В нем она совсем еще молодая актриса в какой-то роли – с выражением грусти в красивых глазах... Сели в кожаные кресла, и начался разговор. Первые услышала особого тембра, четкий, но очень музыкальный голос Святослава Николаевича: «Народа на выставку идет масса. С утра и почти до вечера среди людей, иногда удивляюсь, как еще могу двигаться. И нужно сказать, что еще выдерживаю напряжение». Наши друзья рассказывали, что не один раз Девика Рани вынуждена была выводить Святослава Николаевича из зала из-за более в сердце, которые участились у него после ухода брата.

Снова мы в Москве – на праздновании 100-летнего юбилея (1974) Николая Константиновича Рериха. Выставка его картин экспонировалась в залах Академии художеств, а открытие выставки Святослава Николаевича в Третьяковской галерее было назначено на 19 ноября. Приехала вместе с художником Леопольдом Романовичем Цесюлевичем задолго до открытия, чтобы заодно пройти по некоторым залам Третьяковки и в надежде, что, может быть, посетители нас пустят на выставку одних, иначе после открытия из-за множества людей посмотреть картины будет невозможно...

Прошли залы Серова, Репина, подольше остановились у особо любимого нами Врубеля и оказались на посмертной выставке современного, очень талантливого художника Виктора Попкова. Узнали, что он погиб при трагических обстоятельствах в сорокалетнем возрасте в самом расцвете физических и духовных сил. Давно уже его знали, следили за новыми работами. Тяжело переживали эту потерю. Пошли дальше и еще издалека увидели ослепительно сверкающие краски. Увидели и самого Святослава Николаевича – одного, без сопровождающей свиты, побежали к нему. Не успели опомниться, как, едва поздоровавшись с нами, он предложил провести нас по выставке. Нас одних! Какая честь! Да еще и перед открытием!

Входим потрясенные. Столько нового! Мастер ведет нас от картины к картине, поясняя: «“И мы приближаемся” – трансгималайский сюжет... Лодка с путниками скользит по нефритовой глади высокогорного озера к сверкающим снежным вершинам, от темных скал и ущелий плывут к Свету». Так просто, но мы видим в картине много больше...

Картина «Карма Дордже». Сразу подумалось, какое чудное произведение. Какое незабываемое лицо горного Учителя. На Дордже редкой чистоты сиренево-пурпуровый плащ. Как удивительно красиво сочетание со снежными вершинами, сиреневыми тенями в фоне. «Это близкий друг нашей семьи, который жил в пещере недалеко от нашего дома в Кулу и часто приходил к нам в гости...», – пояснил Святослав Николаевич. Со своей стороны напомнили ему, что у нас в нашей квартире в Риге хранится его довольно большая картина «Карма Дордже», на которой знаменитый йог изображен в темно-розовой накидке сидящим в позе лотоса на небольшой каменистой горе, ярко играющей всеми цветами радуги на фоне бирюзовых гор.

Рассказали, что в трудные времена сталинских репрессий, когда арестовали обоих родителей и конфисковали большую библиотеку отца, родственник успел перенести картину в свою комнату. Когда чекист увидел ее и решил забрать, дядя не растерялся и предложил бутылку вина, благодаря которой картину оставили.

Подходим к большому вертикального формата полотну «Пандит Мору Рам». «Это настоящий наш поместья», – поясняет Святослав Николаевич. Вижу удивительный образ индуса в белой национальной одежде с колокольчиком и палочкой благовоний на фоне закрытых облаками Гималаев. Не можем оторваться, портрет притягивает как магнит... А Святослав Николаевич уже ведет нас дальше.

«Пиета» («Скорбящая»). Художник говорит о том, что это общечеловеческая тема. Герой пожертвовал собой за идеал. Рядом скорбят его мать и любящая женщина, которые так или иначе принимали участие в его подвиге и, таким образом, тоже стали героями. И мы должны помнить, что совершает подвиг не только герой, но и те, кто был рядом с ним, поддерживал и помогал ему. Розовый луч, пронизывающий тьму, – это луч надежды. Во всем, даже в страшной крошечной тьме, всегда есть что-то, что освещает глубину нашего горя и дает надежду.

«Воззри, человечество!» Об этой работе мастер рассказывает, что это апокалиптическое видение, где человечество в смятении около пропасти взирает на Огненного Ангела над градом всечеловеческим. Всечеловеческим, потому что в нем строения, принадлежащие всем человеческим расам. Это своего рода предупреждение людям, что если они не одумаются, не пойдут правильным путем, то придет момент, когда огонь падет на города и спалит их. Если человечество в прошлом пострадало от потопа, то в будущем оно может пострадать от огня...

Дальше Святослав Николаевич подводит нас к картинам, посвященным жизни индийской деревни, ее народу. «Глина обретает форму» – это о сельских гончарах юга Индии. «Жизнь богата разнообразием форм», – говорит он. «Тишина» – отдых простой индийской девушки после заката солнца, когда вся природа – буйвол, собака, деревья и море застыли в каком-то ожидании, поясняет мастер. Идея картины «Эти краски никогда не должны поблекнуть» – не допустить того, чтобы такие яркие краски Индии раз и навсегда ушли из ее обихода. Картина «Весна» запечатлела пробуждение природы на юге Индии, в тех местах, где живет художник.

«Канченджанга». Эта гора изображалась на многих картинах. Особенно выразительна она в предзакатный час. Мастер показал ряд сверкающих в цвете пейзажей. Потрясенные, мы задали вопрос: «Святослав Николаевич, то, что Ваши картины сверкают, это явно заслуга не только превосходного качества темперы. Как Вы добиваетесь этого?» – «Если вы дадите правильный контраст цвета и тона, положите рядом цвета, которые друг друга выявляют и дополняют, цвета начнут сверкать», – ответил художник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.